

Russ.

333

ℓ

Мужской Воскресной

Библиотека

По инвентар. № 825

По кат. № II а. 123

ШКОЛЫ

— в Ригѣ. —

Рис. 333 е

II 6

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ

МОСКОВСКИМЪ ЦАРЕМЪ

ЮАННОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ ГРОЗНЫМЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Е. Тихомирова.

825
МОСКВА.

Типографія Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ, домъ Истоминой.

1886.

28

Дозволено цензурою. Москва, 3 марта 1886 г.

FgT/87/5103

Русскіе Государи въ полномъ царскомъ титулѣ своемъ носятъ, между прочимъ, и титулъ: *Царь Казанскій*. Этотъ титулъ принадлежитъ имъ уже 300 лѣтъ слишкомъ. Первымъ царемъ Казанскимъ изъ Русскихъ былъ Московскій царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, покоритель татарскаго, *басурманскаго* Казанскаго царства.

Въ этой книжкѣ мы и намѣрены рассказать съ возможною подробностію о покореніи Казанскаго царства, блистательнѣйшемъ событіи царствованія Іоанна Грознаго, имѣвшемъ весьма важныя послѣдствія и оставившемъ глубокую память въ народѣ; но предварительно, для полноты разсказа, мы считаемъ нужнымъ изложить въ краткихъ чертахъ предшествующую исторію Казанскаго царства съ его постоянно враждебными отношеніями къ Русскому народу. Это дастъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность прослѣдить постепенное подготовленіе славнаго дѣла Грознаго царя: ему выпало счастье довершить, то къ чему упорно стремились и его предшественники. *)

*Л*_____

*) При составленіи этого разсказа мы руководствовались главнымъ образомъ VII и VIII томами Исторіи Государства Россійскаго *Карамзина* и V и VI томами Исторіи Россіи *Соловьева*.

I.

Преданія о началѣ Казани и первоначальная исторія ея.

Казань, въ настоящее время одинъ изъ богатѣйшихъ и промышленнѣйшихъ городовъ Россійской Имперіи, была нѣкогда главою самостоятельнаго татарскаго царства и болѣе столѣтія представляла собою разбойничье гнѣздо, выславшее изъ себя буйныхъ грабителей и безпощадныхъ опустошителей русскихъ селъ и городовъ. Неизвѣстны съ достовѣрностью ни годъ основанія, ни имя основателя Казани. Существуютъ относительно этого предмета только темныя преданія, которыми мы и подѣлимся съ читателями.

Одинъ лѣтописецъ XVI вѣка, бывшій любимымъ слугою царя Казанскаго Сафа-Гирея, *) говоритъ: Сынъ Батыевъ, именемъ Саинъ, шелъ воевать Россію, но, обезоруженный смиреніемъ и дарами ея князей, остановился; тутъ (на мѣстѣ остановки) онъ вздумалъ завести селеніе, гдѣ бы чиновники татарскіе, посылаемые для собиранія дани въ наше отечество, могли имѣть отдохновеніе. Мѣсто было изобильно, *пчелисто и пажитко*; но страшные зміи обитали здѣсь: сыскался волхвъ, обратившій ихъ въ пепелъ. Ханъ основалъ городъ *Казань* (что значитъ *котелъ*, или *золотое дно*) и населилъ

*) Этотъ лѣтописецъ пишетъ о себѣ: „Случи ми ся плѣнену быти варвары и въ Казань сведену... и взять мя царь себѣ и сотвори мя предъ лицомъ своимъ“. (Сказаніе о Царствѣ Казанскомъ.)

его болгарами, черемисами, вотяками, мордвою, ушедшими изъ областей Ростовскихъ во время крещенія земли Русской, любилъ это мѣсто и часто самъ прїѣзжалъ сюда изъ Сарая. Оно долгое время называлось еще *Саиновымъ Юртомъ*. „Этотъ ханъ *Саинъ* былъ или Сартакъ, единственный сынъ Батые, извѣстный по лѣтописямъ, или самъ Батый, котораго татарскій историкъ Абульгази обыкновенно называетъ *Сагиномъ*. *)

По другому извѣстію, болѣе вѣроятному, Казань основана была еще до Батые болгарами (волжскими или камскими): она упоминается уже въ числѣ болгарскихъ городовъ, взятыхъ Батыемъ. **) Потомъ здѣсь дѣйствительно было лѣтнее мѣстопробываніе (юртъ) Батые.

На мѣстѣ Казани, по преданію, жилъ нѣкогда страшный крылатый змѣй или драконъ *милантъ*, убитый основателями этого города. ***) Этотъ драконъ леталъ для утоленія жажды на озеро, которое по этому называется *змѣинымъ*.

Имя же Казани производятъ отъ слова: *казан*, что значитъ *котелъ*: здѣсь основатели города нашли будто бы огромный котелъ съ золотомъ. Другіе думаютъ, что городъ получилъ свое названіе отъ рѣки Казанки, а эта послѣдняя въ свою очередь—отъ того, что въ ней много *котловинъ*, омутовъ.

Такимъ образомъ происхожденіе Казани восходитъ, по крайней мѣрѣ, къ началу XIII вѣка. Однако до второй половины XIV вѣка Казань ничѣмъ не заявляла

*) Нужно впрочемъ замѣтить, что и послѣдующіе ханы присоединяли къ своему имени названіе *Саинъ*, встрѣчаемое нами на татарскихъ монетахъ XVI вѣка.

**) Д'Осонъ, Исторія монголовъ.

***) *Зилантовъ* Успенскій монастырь, стоящій на Зилантовой горѣ, построенъ, по преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была пещера дракона. Казанскій гербъ изображаетъ на бѣломъ полѣ крылатаго чернаго змѣя (Зиланта) съ красными крыльями, подъ золотою короною.

о своемъ существованіи. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ лѣтописное извѣстіе о ней подъ 1361 годомъ, по поводу разоренія ея удалою новгородскою вольницей. Затѣмъ въ русскихъ лѣтописяхъ начинаютъ встрѣчаться, хотя изрѣдка, извѣстія о Казани, противъ которой русскіе князья посылаютъ военные отряды, въ наказаніе за разбойническіе набѣги. Такъ въ 1376 году, въ княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго, полки московскіе и суздальскіе пошли на Казань. Казанцы встрѣтили русскихъ въ полѣ. Многіе изъ нихъ выѣхали на верблюдахъ, думая испугать нашихъ лошадей видомъ и голосомъ этихъ животныхъ; другіе надѣялись произвести тоже дѣйствіе стукомъ и громомъ. Однако русскіе не испугались, — и казанцы обратились въ бѣгство. Слѣдствіемъ побѣды нашихъ войскъ было то, что два болгарскіе князь — Осанъ и Махматъ — Салтанъ должны были признать себя данниками великаго князя русскаго. Сыну и преемнику Дмитрія Донскаго, Василию Дмитріевичу, также приходилось воевать съ Казанью. Чтобы отомстить татарамъ за разореніе Нижняго-Новгорода; великій князь московскій послалъ 1399 года брата своего, князя Юрія Дмитріевича, въ Казанскую Болгарію съ сильнымъ войскомъ, которое взяло ея столицу — Великіе Болгары, также Жукотинъ, Казань, Кременчугъ, три мѣсяца опустошало эту землю и возвратилось съ богатою добычею. Лѣтописцы говорятъ, что никогда еще полки русскіе не заходили такъ далеко въ татарскія владѣнія, и Василій Дмитріевичъ слылъ съ того времени *Завоевателемъ Болгаріи*.

И такъ Казань была совершенно разрушена русскими войсками и около 40 лѣтъ стояла въ полномъ запустѣніи, состоя единственно изъ печальныхъ развалинъ и хижинъ, гдѣ укрывалось нѣсколько бѣдныхъ татарскихъ семействъ.

Но этимъ развалинамъ суждено было обновиться и оживиться и сдѣлаться грозою для нашего отечества.

II.

Возстановленіе Казани. Отношеніе къ новому Казанскому царству Василя Темнаго, Іоанна III и Василя III. 1440—1533 г.

Между тѣмъ какъ восточная половина Русской земли, находившаяся подъ властію татаръ, складывалась мало-по-малу въ одно цѣлое и крѣпкое Московское государство, благодаря усиліямъ и дѣятельности Московскихъ князей-собирателей, Золотая или Кипчакская Орда въ это же самое время слабѣла и распадалась, влѣдствіе происходившихъ въ ней раздоровъ и смуть. При великомъ князѣ Василю Васильевичѣ Темномъ (1425—1462 г.) произошло окончательное распаденіе Кипчакской монархіи: отъ Золотой Орды отдѣлились два большія владѣнія—Казань и Крымъ.

Основателемъ Казанскаго царства былъ Улу-Махметъ, прежде бывшій ханомъ Золотой Орды. Сверженный съ престола братомъ своимъ Кичимомъ и изгнанный изъ Сарая, Ули-Махметъ искалъ убѣжища въ Московскихъ предѣлахъ, надѣясь на расположеніе великаго князя Василя Васильевича, которому оказалъ нѣкогда благодареніе. *) Но великій князь Московскій послалъ противъ него войско. Тогда Улу-Махметъ уда-

*) Улу-Махметъ, будучи ханомъ Золотой Орды, присудилъ великокняжескій престолъ Василю Васильевичу, у котораго оспаривалъ его дядя Юрій Дмитріевичъ Галицкій, основываясь на древнемъ обычаѣ родоваго старшинства.

лился въ древнюю Болгарію. Здѣсь онъ (а по другимъ извѣстіямъ сынъ его Махмутекъ) возобновилъ на берегахъ Волги разрушенный русскими городъ Казань. Выбравъ новое, лучшее мѣсто близъ старой крѣпости, онъ построилъ новую, собралъ вокругъ себя толпы татаръ и началъ господствовать надъ окрестными племенами мордвы, черемисовъ, камскихъ болгаръ и др. (1440 г.) Въ нѣсколько мѣсяцевъ Казань наполнилась людьми и вскорѣ сравнялась обширностію съ упадающимъ Сараемъ и даже превзошла его. Обитатели ея приняли нравы и обычаи горожанъ востока; оставивъ кочевую и полукочевую жизнь, они воздвигли крѣпкія стѣны, великолѣпныя мечети, и слухъ о новомъ Казанскомъ царствѣ привлекалъ въ него отовсюду обитателей—изъ Сарая, изъ Азовскихъ и Крымскихъ улусовъ, изъ Сибири и Бухары. Благодаря выгодному географическому положенію (въ 6-ти верстахъ отъ Волги, открывавшей свободные пути и на сѣверъ, и на востокъ, и на югъ), Казань вскорѣ сдѣлалась многолюднымъ и богатымъ торговымъ городомъ. Почувствовавъ свою силу, Казанскіе татары начали опять дѣлать нападенія на сосѣднія русскія области.

Едва основавшись въ Казани, Улу-Махметъ явился неожиданно, съ небольшимъ впрочемъ войскомъ, подъ стѣнами Москвы, откуда великій князь бѣжалъ за Волгу. Продержавъ Москву въ осадѣ 10 дней, но не имѣя возможности взять ее, новый Казанскій царь удовольствовался грабежомъ, сжегъ Коломну и возвратился домой съ добычею.

Еще памятливе и злосчастнѣе было нашествіе Улу-Махмета въ 1445 году. Весною этого года въ Москву пришла вѣсть, что царь Казанскій осадилъ Нижній-Новгородъ и послалъ двухъ сыновей своихъ, Мамутека и Ягуба, къ Суздалю. Великій князь самъ пошелъ съ

войскомъ навстрѣчу непріятелю. Но войско русское было разбито на-голову, великій князь раненъ и взятъ въ плѣнъ, изъ котораго впрочемъ былъ отпущенъ 1-го октября того же года за извѣстный выкупъ. *)

Въ 1446 году, когда въ Казани царствовалъ уже Мамутекъ, злодѣйски умертвившій отца и брата, шайка казанскихъ татаръ въ 700 человекъ, осаждала Устюгъ и взяла окупъ съ города мѣхами; но возвращаясь хищники потонули въ рѣкѣ Ветлугѣ.

За годъ до своей смерти великій князь Василій Темный собрался самъ идти на Казань; но, встрѣченный послами Казанскаго царя во Владимірѣ, заключилъ съ нимъ миръ.

Сынъ и преемникъ Василія Темнаго, Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505), знаменитѣйшій изъ Московскихъ князей—собирателей и объединителей, освободившій Русскую землю отъ долговременнаго и постыднаго татарскаго ига, еще менѣе своихъ предшественниковъ могъ равнодушно смотрѣть на дерзкое своеволие буйныхъ сосѣдей—Казанцевъ. Мудрый и дальновидный политикъ, онъ, для болѣе успѣшной борьбы со всѣми своими врагами, заключилъ даже тѣсный союзъ съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, и этотъ союзъ оказалъ ему не малую пользу.

Послѣдній походъ Василія Темнаго былъ на Казань,—первый походъ московскаго войска въ княженіе сына его былъ также на Казань. Въ 1467 году, служилый московскій царевичъ Касимъ получилъ изъ Казани вѣсть, что Казанцы хотятъ имѣть его ханомъ и чтобы онъ спѣшилъ съ войскомъ въ Казань. Получивъ

*) „Князь великій окупъ посулилъ на собе отъ злата и серебра и отъ портища всякаго, и отъ коней, и отъ успѣховъ 29,500 рублей; а съ нимъ придоша 500 татаръ“ (Псковская Лѣтопись).

войско отъ великаго князя, Касимъ отправился добывать себѣ престолъ. Но когда онъ подошелъ къ Волгѣ, то на другомъ берегу уже стоялъ Казанскій ханъ Ибрагимъ со всѣми князьями и не допустилъ его до переезда. Обманутый Касимъ принужденъ былъ возвратиться назадъ въ холодную и дождливую осень. Казанцы спѣшили отомстить русскимъ и немедленно явились подъ Галичемъ, но получили скудную добычу, потому что всѣ окружные жители сидѣли запершись въ городѣ, а городовъ варвары взять не могли.

Удачнѣе былъ походъ московскихъ боярскихъ дѣтей, выступившихъ зимою того же года изъ Галича въ Черемисскую землю. Цѣлый мѣсяцъ, въ сильную стужу, безъ дороги, они шли лѣсами. 6-го января 1468 года, они вошли къ Черемисамъ и выжгли всю землю ихъ до тла, не дошедши только за одинъ день пути до Казани. Казанцы отомстили нападеніемъ на верховья рѣки Юга, гдѣ сожгли городъ Кичменгу, потомъ повоевали двѣ Костромскія волости. За то князь Даніилъ Холмскій разбилъ татаръ, разорявшихъ Муромскую волость.

Весною предпринятъ былъ новый походъ: русскіе воеводы повоевали по Вяткѣ Черемисъ, выплыли въ Каму, воевали до Тамлуга и переезда татарскаго, побили многихъ купцовъ и отняли у нихъ много товару; входили воевать въ Бѣлую-Воложку; *) на берегахъ Камы разбили отрядъ татаръ изъ 200 человекъ. Но въ то время, какъ Русскіе воевали по Камѣ, Казанцы съ большою силою пришли къ Вяткѣ и заставили жителей ея передаться хану Ибрагиму.

Въ 1469 году, весною же, великій князь задумалъ походъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: пошла подъ

*) Впадаетъ въ Каму ниже Чусовой, теперь просто: *Бѣлая*.

Казань судовая рать, подъ начальствомъ воеводы Беззубцова; пошла и московская городовая рать съ воеводою княземъ Оболенскимъ-Нагимъ. Суда шли къ Нижнему изъ Москвы, Москвою рѣкою и Окою, Коломничи и Муромцы Окою, Владимірцы и Суздальцы Клязьмою, Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и всѣ другіе поволжане прямо Волгою. Всѣ сошлись къ Нижнему въ одинъ срокъ. Другая рать подъ начальствомъ князя Данилы Ярославскаго изъ Вологды и Устюга пришла къ Вяткѣ и повѣстила Вятчанамъ, чтобы они шли вмѣстѣ на Казанскаго царя; но Вятчане отказались идти противъ Ибрагима, которому обязались служить. Казанскій посолъ, бывшій въ это время въ Вяткѣ, далъ знать своимъ, что идетъ русская судовая рать, но небольшая. Между тѣмъ Беззубцевъ съ главною ратью стоялъ въ Нижнемъ, куда пришла къ нему отъ великаго князя грамота съ приказомъ—самому стоять въ Нижнемъ, на Казанскія же мѣста отпустить охотниковъ. Беззубцевъ созвалъ всѣхъ князей и воеводъ и объявилъ имъ: „прислалъ великій князь грамоту и велѣлъ всѣмъ вамъ сказать: кто изъ васъ хочетъ идти воевать Казанскія мѣста по обѣ стороны Волги, тотъ ступай; только къ городу Казани не ходите“. Рать отвѣчала: „всѣ хотимъ на окоянныхъ татаръ, за святые церкви, за своего государя великаго князя Ивана и за православное христіанство!“ — и пошли всѣ, а Беззубцевъ одинъ остался въ Нижнемъ. Ратники выплыли изъ Оки подъ Нижній-Новгородъ Старый, вышли изъ судовъ къ церкви, велѣли священникамъ служить молебенъ за великаго князя и за воиновъ его, и милостыню раздали каждый по силѣ. Въ тотъ же день отплыли они изъ Нижняго, два раза ночевали на дорогѣ и на третьи сутки, на ранней зарѣ (это было 21-го мая), пришли подъ Ка-

зань, забрались въ посады, велѣли трубить въ трубы и бросились съчъ сонныхъ татаръ, грабить, брать въ плѣнъ, освободили христіанскихъ плѣнниковъ—Московскихъ, Рязанскихъ, Литовскихъ, Вятскихъ, Устюжскихъ, Пермскихъ, и зажгли посады со всѣхъ сторонъ. Татары, не желая отдаться въ руки христіанамъ и больше жалѣя о своемъ богатствѣ, запирались со всѣмъ добромъ, съ женами и дѣтьми въ мечетяхъ и тамъ сгарали.

Въ четыре описанные похода не было достигнуто ничего рѣшительнаго: весь успѣхъ ограничивался опустошеніемъ непріятельскихъ областей, за что Казанцы также не оставались въ долгу. Мало того,—можно даже сказать, что выгода была на сторонѣ Казанцевъ, потому что имъ удалось подчинить себѣ Вятку. И вотъ лѣтомъ же 1469 года Іоаннъ послалъ подъ Казань двоихъ братьевъ своихъ, Юрія и Андрея Большаго, со всею силою Московскою и Устюжскою, конною и судовою. 1-го сентября князь Юрій подошелъ къ Казани. Татары выѣхали навстрѣчу, но, побившись немного, побѣжали въ городъ и затворились; а Русскіе обвели острогъ и отняли воду. Тогда Ибрагимъ, видя себя въ большой бѣдѣ, послалъ съ просьбою о мирѣ, билъ челомъ на всей волѣ великаго князя и выдалъ всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ за 40 лѣтъ.

Въ продолженіи восьми лѣтъ не было слышно о Казани. Въ началѣ 1478 года въ Казань пришла вѣсть, что Іоаннъ потерпѣлъ пораженіе отъ Новгородцевъ (а онъ въ это именно время привелъ Новгородъ окончательно въ свою волю) и самъ-четверть убѣжалъ раненый. Ибрагимъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ, вооружился и послалъ войско въ Вятскую область и къ Устюгу. Великій князь Московскій не хотѣлъ оставить безъ вниманія нарушеніе мира со стороны Ибрагима, и весною Московскіе воеводы по-

плыли Волгою изъ Нижняго къ Казани, опустошили волости и подплыли къ городу. Но сильная буря и дождь помѣшали приступу и заставили Московское войско отступить. Съ другой стороны Вятчане и Утюжане вошли Камою въ Казанскія владѣнія и также опустошили ихъ. Ибрагимъ послалъ съ челобитьемъ къ великому князю и заключилъ миръ на всей его волѣ.

Доселѣ война съ Казанью ограничивалась местию и взаимными опустошеніями: смерть Ибрагима и внутреннія смуты, послѣдовавшія за нею въ Казани, дали великому князю Московскому возможность утвердить здѣсь рѣшительно свое вліяніе, впервые привести въ зависимость татарское царство. Послѣ Ибрагима осталось двое сыновей отъ разныхъ женъ: старшій Алегамъ (Али-Ханъ) и младшій Магметъ-Аминь. Казанцы раздѣлились на двѣ партіи. Партія старшаго брата осилила, и Алегамъ, съ помощію Ногайцевъ, сѣлъ на отцовскомъ престолѣ. Но волненія все таки не прекратились и подавали поводъ Московскому великому князю вмѣшиваться въ Казанскія дѣла. Наконецъ въ Москву явился Магметъ-Аминь бить челомъ великому князю, назвалъ его себѣ отцомъ и просилъ у него помощи противъ брата Алегама. Іоаннъ обѣщалъ: ему тѣмъ болѣе было выгодно видѣть ханомъ въ Казани Магметъ-Аминя, что мать послѣдняго, Нурсалтанъ, вышла замужъ за Крымскаго хана, Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Москвы. Вскорѣ Казанскіе вельможи прислали сказать великому князю: „Мы отпустили къ тебѣ Магметъ-Аминя для того, что если въ случаѣ Алегамъ станетъ поступать съ нами дурно, то ты опять отпустишь къ намъ Магметъ-Аминя. Узнавъ объ этомъ, Алегамъ зазвалъ насъ къ себѣ на пиръ и хотѣлъ перерѣзать. Мы убѣждали въ степь, а онъ, укрѣпивъ городъ, выступилъ за нами“. Въ апрѣлѣ 1487 года Іоаннъ послалъ на Казань

большое войско, вслѣдъ за которымъ отправилъ и Магметъ-Аминя. Алегамъ выѣхалъ противъ Русскихъ со всею силою, но затѣмъ, послѣ непродолжительной битвы, убѣжалъ въ городъ и заперся здѣсь. Казань была осаждена и обведена острогомъ. Осада продолжалась три недѣли, и каждый день Алегамъ дѣлалъ вылазки. Съ другой стороны много вреда Русскому войску дѣлалъ князь Алгазый, оставшійся внѣ города. Наконецъ воеводамъ удалось прогнать Алгазья за Косму въ степь. Послѣ этого изнемогъ и Алегамъ, самъ выѣхалъ изъ города и отдался въ руки воеводамъ. На его мѣсто посланъ былъ Магметъ-Аминь, уже какъ подручникъ великаго князя Московскаго; крамольные князья казнены смертію; Алегамъ съ женою сосланъ въ заточеніе въ Вологду, а мать его, братья и сестры—на Бѣлоозеро. Зависимость Казанскаго царя отъ великаго князя Московскаго простиралась до того, что, желая жениться на дочери Ногайскаго хана, Магметъ-Аминь испрашивалъ на то согласія великаго князя. Наконецъ на Казанскія волости наложена была извѣстная подать, шедшая въ Московскую казну и собираемая Московскими чиновниками.

Но самъ Магметъ-Аминь возбудилъ противъ себя негодованіе Казанскихъ вельможъ разнаго рода насиліями. Пользуясь этимъ, Шибанскій царь Мамукъ, войдя въ сношеніе съ партіею недовольныхъ Магметъ-Аминемъ, заставилъ послѣдняго бѣжать изъ Казани съ женою и вѣрными князьями. Магметъ-Аминь пріѣхалъ въ Москву, гдѣ великій князь держалъ его въ чести. Однако и Мамукъ въ свою очередь возбудилъ противъ себя неудовольствіе въ Казани и былъ прогнанъ оттуда. Князья Казанскіе послали въ Москву бить челомъ великому князю, чтобъ онъ простилъ ихъ за измѣну и не присылалъ бы къ нимъ прежняго хана Магметъ-

Аминя, потому что отъ него всѣмъ большое насиліе. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу и вмѣсто Магметъ-Аминя послалъ въ Казань младшаго брата его, Летифа. Князья Семень Холмскій и Ѳедоръ Палецкій посадили Летифа на царство и привели къ присягѣ (шерти) за великаго князя всѣхъ князей Казанскихъ и земскихъ людей, по ихъ вѣрѣ. Магометъ-Аминь, вмѣсто Казани, получилъ Каширу, Серпуховъ и Хотунъ со всѣми пошлинами.

И Летифъ царствовалъ недолго. Обвиненный въ разныхъ неправдахъ, онъ, по приказу великаго князя, былъ схваченъ (въ январѣ 1502 г.), привезенъ въ Москву и сосланъ въ заточенье на Бѣлоозеро; а на его мѣсто посаженъ опять Магметъ-Аминь. Но Магметъ-Аминь повелъ себя строптиво по отношенію къ Іоанну: по словамъ лѣтописца, онъ держалъ гнѣвъ на великаго князя. Этотъ гнѣвъ еще болѣе былъ воспламененъ новою женою Магметъ-Аминя, вдовою прежняго Казанскаго царя Алегама, на которой великій князь дозволилъ ему жениться: подушаемая вельможами, она день и ночь шептала хану, чтобы онъ отложился отъ Москвы. Весною 1505 года Магметъ-Аминь прислалъ въ Москву одного изъ своихъ князей съ грамотою, наполненною жалобами. Великій князь отправилъ въ Казань своего посла сказать хану, чтобы онъ не давалъ вѣры жалобщикамъ. Этотъ отказъ въ удовлетвореніи жалобъ послужилъ Магметъ-Аминю поводомъ къ отложенію отъ Москвы: посолъ великокняжескій Яропкинъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ Русскими купцами, пріѣхавшими на ярмарку 24-го іюня; нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе ограблены и отосланы въ плѣнъ къ Ногайцамъ. Послѣ этого Магметъ-Аминь подходилъ къ Нижнему Новгороду, который былъ спасенъ искусствомъ и храбростію плѣнныхъ Литовскихъ стрѣльцовъ, сосланныхъ въ Нижній.

Смерть помѣшала Іоанну III отомстить подручнику своему за его вѣроломство. Сынъ и преемникъ его Василій Іоанновичъ (1505—1533 г.), принявъ правленіе осенью 1505 года, дождался весны слѣдующаго года, чтобы отправить на Магметъ-Аминя войско рѣчнымъ путемъ. Въ апрѣлѣ 1506 года поплыли съ пѣхотою на судахъ братъ великаго князя, Димитрій Ивановичъ, и воевода, князь Ѳедоръ Ивановичъ Бѣльскій; сухимъ путемъ пошла конная рать подъ начальствомъ князя Александра Владиміровича Ростовскаго. 22-го мая судовая рать пришла подъ Казань, и князь Димитрій немедленно велѣлъ ратнымъ людямъ высадиться изъ судовъ и идти пѣшкомъ къ городу. Татары выступили къ нимъ на встрѣчу и завязали бой, между тѣмъ какъ другая часть Казанскаго войска на лошадяхъ незамѣтно заѣхала имъ въ тылъ и отрѣзала отъ судовъ. Русскіе потерпѣли сильное пораженіе: много ихъ было побито, много взято въ плѣнъ, много потонуло въ Поганомъ озерѣ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, великій князь въ тотъ же день велѣлъ выступить къ Казани князю Василию Даниловичу Холмскому съ другими воеводами, а брату послалъ сказать, чтобы до прибытія Холмскаго онъ не приступалъ вторично къ городу. Но когда 22-го іюля подоспѣла конная рать съ княземъ Ростовскимъ, то Димитрій, не считая нужнымъ медлить далѣе, опять повелъ войско къ городу. Сначала онъ имѣлъ удачу, но потомъ потерпѣлъ новое пораженіе и принужденъ былъ бѣжать, бросивъ пушки и осадныя машины. Рассказываютъ, что Казанцы, не надѣясь одолѣть Русскихъ силою, употребили хитрость: раскинули станъ и бросили его, какъ будто пораженные страхомъ. Русскіе кинулись на добычу и начали грабить. Казанцы воспользовались этимъ и поразили ихъ на голову. Уже начались приготовленія къ походу на слѣдующую весну; но Маг-

метъ-Аминь въ мартѣ 1507 года прислалъ въ Москву бить челомъ, чтобы великій князь заключилъ съ нимъ миръ и дружбу по старинѣ, какъ было съ отцемъ его, великимъ княземъ Іоанномъ, причемъ обязывался отпустить задержаннаго посла Яропкина и всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ на войнѣ. Василій Іоанновичъ согласился на этотъ миръ для избавленія христіанскихъ душъ, попавшихъ въ бусурманскія руки,—тѣмъ болѣе, что болѣе важныя дѣла на западѣ (въ Литвѣ) требовали всего его вниманія. Въ 1512 году Магметъ-Аминь возобновилъ клятву въ вѣрности: затѣмъ въ 1516 году явилось новое посольство изъ Казани съ извѣстіемъ, что Магметъ-Аминь опасно боленъ и съ просьбою отъ имени больного хана и всѣхъ Казанцевъ, чтобы великій князь простилъ Летифа, находившагося опять въ заточеніи, и назначилъ его ханомъ въ Казань въ случаѣ смерти Магметъ-Аминя. Василій Іоанновичъ согласился исполнить ихъ просьбы и отправилъ въ Казань окольного Тучкова, который взялъ съ хана и всей земли клятву, что они не возьмутъ въ Казани никакого царя и царевича безъ вѣдома великаго князя. Однако Летифъ умеръ еще за годъ до смерти Магметъ-Аминя, послѣдовавшей въ 1518 году. Теперь снова рождался вопросъ: кому быть царемъ въ Казани? Крымскій ханъ Магметъ-Гирей (сынъ Менгли-Гирея, умершаго въ 1515 году) сильно хлопоталъ о томъ, чтобы всѣ Татарскія владѣнія находились въ рукахъ одного рода Гиреевъ. Но что было выгодно для Крымскаго хана, то было весьма невыгодно и не желательно для великаго князя Московскаго. Поэтому Василій Іоанновичъ назначилъ въ преемники Магметъ-Аминю родоваго непріятеля Гиреевъ, Шигъ-Алея, жившаго въ Россіи. *) Скоро Шигъ-Алей возбу-

*) Шигъ-Алей былъ внукъ хана Золотой Орды Ахмата, при которомъ совершилось освобожденіе Русской земли отъ татарскаго ига (въ 1480 году).

диль къ себѣ нерасположеніе Казанцевъ тѣмъ, что во всемъ предпочиталъ выгоды Московскаго князя ихъ собственнымъ выгодамъ, спираясь на воеводу Московскаго, находившагося при немъ. Противъ Московскаго посаженника составилъ заговоръ, и когда братъ Магметъ-Гирей, Саипъ, явился (весною 1521 года) съ Крымскимъ войскомъ у Казани, то городъ сдался ему безъ сопротивленія. Шигъ-Алею и воеводѣ великокняжескому дана была свобода выѣхать въ Москву, но посоль и купцы Русскіе были ограблены и задержаны. Между тѣмъ Магметъ-Гирей сдѣлалъ неожиданно набѣгъ на Русскія владѣнія и уже стремился къ берегамъ Оки. Московскій отрядъ, посланный сюда подъ начальствомъ князя Дмитрія Бѣльскаго и брата великаго князя, Дмитрія Ивановича, былъ опрокинутъ превосходными силами непріятеля, который разсѣялся для грабежа на пространствѣ отъ Коломны до самой Москвы; а съ другой стороны новый Казанскій ханъ, Саипъ-Гирей, опустошивъ области Нижегородскую и Владимірскую, соединился съ братомъ. Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ Василій Іоанновичъ оставилъ Москву и отправился на Волохъ собирать войско. Самъ Крымскій ханъ остановился на рѣкѣ Сѣверкѣ; но отряды его подходили близко къ Москвѣ и опустошали села Островъ, Воробьево, Угрѣшскій монастырь. Со всѣхъ сторонъ бѣглецы спѣшили въ Кремль, давая другъ друга въ воротахъ. Отъ страшной тѣсноты заразился воздухъ, и продлилось такое положеніе еще три или четыре дня, начала бы свирѣпствовать язва, тѣмъ болѣе, что это было въ жаркое время (въ послѣднихъ числахъ іюля). Когда начали думать о защитѣ, оказалось, что было недостаточно пороху. Тогда оставленный начальствовать въ Москвѣ крещенный царевичъ Петръ и бояре рѣшились вступить въ переговоры съ ханомъ. Хотя ханъ и

не думалъ брать Москву приступомъ, не имѣя для этого ни средствъ, ни охоты, тѣмъ не менѣе и Москва не могла долго оставаться въ описанномъ нами положеніи. Магметъ-Гирей соглашался немедленно удалиться изъ Московской области, если ему пришлютъ письменное обязательство, что великій князь будетъ платить ему дань. Это обязательство было дано, и ханъ отступилъ. Слѣдствія нашествія Крымскаго хана были страшныя: молва, правда, преувеличила число плѣнныхъ, выведенныхъ Крымцами и Казанцами изъ Московскаго государства, доводя это число до 800,000 человекъ; но самое это преувеличеніе уже показываетъ сильное опустошеніе.

Доставивъ брату Казань и наведши страхъ на Москву, Магметъ Гирей спѣшилъ овладѣть Астраханью, что ему и удалось. Но торжество его было непродолжительно: союзники его, Ногайскіе князья, догадались, что имъ грозитъ большая опасность отъ усиленія Гиреевъ, напали неожиданно на Крымскій станъ, убили хана, перерѣзали множество Крымцевъ, вторгнулись въ самый Крымъ и опустошили его. Между тѣмъ великій князь Московскій рѣшился идти походомъ противъ Саипъ-Гирея, ставшаго царемъ Казанскимъ безъ его вѣдома и убившаго Московскаго посла и торговыхъ людей. Лѣтомъ 1523 года Василій Іоанновичъ самъ отправился въ Нижній; отсюда онъ отпустилъ на Казань хана Шигъ-Алея съ судовою ратью по Волгѣ, а другихъ воеводъ съ конною ратью сухимъ путемъ. Воеводы возвратились благополучно и привели съ собою много Черемисскихъ плѣнниковъ. Но походъ не ограничился этимъ: на устьѣ Суры, въ землѣ Казанской, великій князь основалъ городъ Васильсурскъ. *) Митрополитъ Даніилъ очень хвалилъ за это великаго князя,

*) *Васильсурскъ* или, какъ его еще называютъ, *Василь*—теперь уѣздный городъ Нижегородской губерніи.

говоря, что новопоставленнымъ городомъ онъ возьметъ всю Казанскую землю. И дѣйствительно, построивъ Васильсурскъ, Василій Іоановичъ сдѣлалъ первый шагъ къ совершенному покоренію Казанскаго царства.

Лѣтомъ 1524 года опять подъ Казань отправилось большое войско, простиравшееся до 150,000 человекъ подъ начальствомъ князя Ивана Бѣльскаго. Саипъ-Гирей испугался и, оставивъ въ Казани своего 13-ти лѣтняго племянника Сафа-Гирея, убѣжалъ въ Крымъ, давъ Казанцамъ обѣщаніе возвратиться съ турецкимъ войскомъ. Провозгласивъ царемъ молодаго Сафа-Гирея, Казанцы приготовились выдерживать осаду. Князь Бѣльскій отправился изъ Нижняго Волгою на судахъ; Хабаръ Симскій съ конницею шелъ сухимъ путемъ; князь Палецкій, нагрузивъ на судна нарядъ (пушки) и съѣстные припасы, долженъ былъ плыть Волгою за главнымъ войскомъ. 7-го іюля Бѣльскій вышелъ съ пѣшимъ войскомъ на берегъ, расположился станомъ въ виду Казани у Гостиннаго острова и 20 дней дожидая конницы: она не приходила. 28-го іюля онъ перенесъ станъ на берегъ Казанки: недалеко отсюда стоялъ и Сафа-Гирей, который нѣсколько разъ пытался тревожить Русскій станъ пѣшею Черемисою, но напрасно. Время шло: ни конница, ни судовая рать съ пушками и съѣстными припасами не подходили. Началъ сказываться голодъ, потому что Черемисы опустошили все вокругъ, засѣли на всѣхъ дорогахъ и прервали всѣ сообщенія, такъ что нельзя было дать вѣсти въ Москву о состояніи войска. Въ это время, когда войско Бѣльскаго начало упадать духомъ отъ голода, разнесся слухъ, что наше конное войско потерпѣло пораженіе отъ татаръ. На воеводѣ напалъ ужасъ; стали думать объ отступленіи, Скоро однако узнали, что слухъ былъ ложный: потерпѣлъ пораженіе одинъ только не-

большой отрядъ конницы; главная же рать, шедшая подъ начальствомъ Симскаго, въ двухъ стычкахъ съ татарами на Свіягѣ одержала верхъ. Но если конница счастливо преодолѣла всѣ опасности, то не могла преодолѣть ихъ судовая рать, шедшая съ Палецкимъ; въ узкихъ мѣстахъ, между островами, Черемисы загородили дорогу камнями и деревьями, а съ высокаго берега осыпали Русскихъ стрѣлами и бросали въ нихъ бревна. Только немногія суда могли спастись и съ во-еводою достигли главной рати. *) Несмотря однако на это несчастіе, когда пришла конница, Бѣльскій 15-го августа обложилъ Казань. Подъ защитою конницы осадныя машины были придвинуты къ стѣнамъ. Казанцы отстрѣливались; но скоро они потеряли своего пушечнаго мастера, который одинъ только и былъ въ городѣ. Это обстоятельство заставило ихъ просить мира съ обязательствомъ отправить въ Москву пословъ съ челобитьемъ. Бѣльскій обрадовался и снялъ осаду, потому что войско не могло долѣе выдерживать голодъ. Послы дѣйствительно явились въ Москву бить челомъ отъ всей земли Казанской за свою вину и просить, чтобы великій князь утвердилъ царемъ Сафа-Гирея. Василій Іоанновичъ согласился на ихъ просьбу, хотя и не совсѣмъ охотно, будучи недоволенъ малоуспѣшностью похода.

Въ продолженіе четырехъ лѣтъ не было никакихъ дѣлъ съ Казанцами. Въ 1529 году пріѣхали отъ Сафа-Гирея послы въ Москву и объявили, что царь ихъ хочетъ дать клятву въ вѣрности великому князю и отправляетъ въ Москву большихъ пословъ. Для взятія клятвы съ Сафа-Гирея великій князь послалъ въ Казань Андрея Пильешова, а въ вслѣдъ за нимъ князя

*) Съ этого времени пошла, говорятъ, старинная пословица: *Съ одной стороны Черемиса, а съ другой берется.*

Ивана Палецкаго, для наблюденія за исполненіемъ присяги. Но, пріѣхавъ въ Нижній, Палецкій узналъ, что Сафа-Гирей уже успѣлъ нарушить клятву и нанесъ сильное оскорбленіе Пильешову. Приходилось опять прибѣгнуть къ силѣ, и лѣтомъ 1530 года подъ Казань пошла большая рать судовая и конная. 10-го іюля произошелъ сильный бой, въ которомъ Русскіе полки одержали побѣду, послѣ чего взяли острогъ и начали осаждать самую крѣпость. Тогда трое знатныхъ Казанцевъ выѣхали къ Русскимъ воеводамъ и били челомъ о прекращеніи осады, обѣщаясь исполнить волю великаго князя. Воеводы, взявъ со всѣхъ Казанцевъ присягу не измѣнять великому князю и брать себѣ царя не иначе, какъ отъ его руки, отступили отъ города и вмѣстѣ съ послами Казанскими возвратились въ Москву. Въ Москвѣ послы Казанскіе приложили свои печати къ клятвеннымъ грамотамъ, на которыхъ потомъ Сафа-Гирей и всѣ Казанцы должны были присягнуть передъ боярскимъ сыномъ, Иваномъ Полевымъ. Полевъ долженъ былъ взять въ Казани всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ и пищали, захваченныя Казанцами въ послѣднюю войну. Послы Казанскіе должны были ждать въ Москвѣ его возвращенія. Но скоро Полевъ далъ знать великому князю, что Сафа-Гирей не присягаетъ и пищалей не отдаетъ; въ тоже самое время ханъ прислалъ грамоту, въ которой требовалъ, чтобы великій князь отпустилъ его пословъ и съ ними вмѣстѣ отправилъ въ Казань своего большаго посла, чтобы прислалъ также пушки и пищали и плѣнниковъ Казанскихъ, взятыхъ Московскимъ войскомъ. Когда все это будетъ прислано, тогда онъ, Сафа-Гирей, дастъ клятву въ соблюденіи договора и отпуститъ Ивана Полева. Но Сафа-Гирей, предъявляя эти требованія, лишился возможности добиваться исполненія ихъ: онъ вмѣстѣ

со своими совѣтниками былъ изгнанъ изъ Казани, гдѣ не пользовался расположеніемъ, послѣ чего Казанцы послали къ великому князю бить челомъ, чтобы онъ далъ имъ въ цари не Шигъ-Алея (какъ намѣревался Василій Іоанновичъ), котораго они боятся, но младшаго брата его, Еналея. Великій князь согласился на ихъ просьбу и отпустилъ Еналея въ Казань, а Шигъ-Алею далъ Каширу и Серпуховъ. Еналей пользовался довѣріемъ и благоволеніемъ великаго князя Московскаго. Это видно, между прочимъ, изъ того, что когда онъ и вся земля Казанская прислали бить челомъ, чтобы великій князь не бралъ изъ Казани пищалей, потому что у Казанской земли есть недруги, то Василій Іоанновичъ пожаловалъ *брата и сына своего* царя Еналея—исполнилъ его просьбу. *).

III.

Дѣла съ Казанью въ правленіе великой княгини Елены и бояръ. 1553—1547 г.

Великій князь Василій Іоанновичъ предъ своею смертію говорилъ боярамъ: „Приказываю вамъ княгиню и дѣтей своихъ, послужите княгинѣ моей и сыну моему, великому князю Ивану, и поберегите государство Рус-

*) При великомъ князѣ Васи́лѣи Іоанновичѣ было положено начало знаменитой Макарьевской (впослѣдствіи Нижегородской) ярмаркѣ. Онъ запретилъ Русскимъ купцамъ ѣздить на лѣтнюю Казанскую ярмарку и отвелъ мѣсто для ежегоднаго сѣрища Русскихъ и Татарскихъ купцовъ на берегу Волги, въ 30-ти верстахъ отъ Нижняго, близъ озера *Желтыя Воды*, подъ монастыремъ пребодобнаго Макарія Желтоводскаго. Невыгоды этой мѣстности, затоплявшейся водою и окруженной сыпучими песками, затруднявшими подвозъ товаровъ, заставили (послѣ страшнаго пожара, истребившаго въ 1816 году всѣ ярмарочныя строенія у Макарія) перенести ярмарку въ Нижній-Новгородъ, гдѣ она бываетъ ежегодно и до настоящаго времени.

ское и все христiанство (весь народъ) отъ всѣхъ его недруговъ: отъ ^абесерменства и отъ латынства и отъ своихъ сильныхъ людей.“ По смерти его, опека надъ ребенкомъ-государемъ (Іоанну IV было только три года) и управленіе великимъ княжествомъ перешли въ руки вдовствующей великой княгини, Елены Глинской, второй жены Василія III.

Итакъ Василій Іоанновичъ завѣщалъ оберегать Русское государство въ малолѣтство его преемника прежде всего отъ *бесерменства*. Но новому правительству Московскому пришлось на первыхъ порахъ вѣдаться еще съ другими недругами, хотя дѣйствительно главными и самыми опасными недругами нашими въ это время были именно бусурмане-татары, въ особенности Крымцы.

Пользуясь внутренними смутами при дворѣ Московскомъ по смерти Василія III, великій князь Литовскій объявилъ войну Россіи. Но война съ Литвою была ведена Русскими счастливо и окончилась въ 1537 году перемиріемъ на 5 лѣтъ, съ уступкою Москвѣ двухъ крѣпостей, Себежа и Заволочья, построенныхъ на Литовской землѣ,

Правительство Русское считало необходимымъ поспѣшить заключеніемъ перемирія съ Литвою для того, чтобы имѣть возможность поуправиться съ Казанью и Крымомъ. Въ Крымъ отправленъ былъ боярскій сынъ Челищевъ съ извѣстіемъ о вошествіи на престолъ Іоанна IV. Русскій посолъ долженъ былъ бить челомъ Саипъ-Гирею, чтобы онъ учинилъ себѣ новаго великаго князя братомъ и другомъ, какъ великій князь Василій былъ съ Менгли-Гиреемъ. Челищевъ отправленъ былъ въ Крымъ въ январѣ, а въ маѣ татары уже разоряли Русскія области по рѣкѣ Пронѣ; *) но были прогнаны,

*) Рѣка Проня впадаетъ справа въ Оку, въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

Скоро однако въ самомъ Крыму встала усобица между ханомъ Саипъ-Гиреемъ и старшимъ по немъ изъ Гиреевъ—Исламомъ. Орда раздѣлилась между соперниками, и это раздѣленіе было выгодно для Москвы, потому что хотя оба хана слѣдовали прежнимъ разбойничьимъ привычкамъ и ни отъ одного изъ нихъ нельзя было надѣяться прочнаго союза, тѣмъ не менѣе силы разбойниковъ были раздѣлены. Но Исламъ вскорѣ былъ убитъ, и Саипъ-Гирей, ставъ одинъ ханомъ въ Крыму, послалъ сказать великому князю Московскому: „Если пришлешь мнѣ, что вы посылали всегда намъ по обычаю, то хорошо, и мы по дружбѣ стоимъ; а не придутъ поминки (дары,) къ намъ всю зиму, то мы сами искать пойдемъ и если найдемъ и если не найдемъ, то ты уже потомъ не гнѣвайся. Не жди отъ насъ посла, за этимъ дѣла не откладывай; а станешь медлить, то отъ насъ добра не жди. Теперь не по-старому съ голою ратью татарскою пойдемъ: кромѣ собственнаго моего наряду пушечнаго, будетъ со мною счастливаго хана (султана Турецкаго) 100,000 конныхъ людей. Я не такъ буду, какъ Магметъ-Гирей... Казанская земля—мой юртъ, и Сафа-Гирей царь-братъ мнѣ. Такъ ты бѣ съ этого дня на Казанскую землю войной больше не ходилъ; а пойдешь на нее войною, то меня на Москвѣ смотри.“ Такимъ образомъ съ единовластіемъ Саипъ-Гирея началось вмѣшательство Крымскихъ хановъ въ дѣла Казанскія; потому что мысль объ освобожденіи Казани отъ Русскихъ и соединеніи всѣхъ татарскихъ ордъ въ одну или, по крайней мѣрѣ, подъ однимъ властвующимъ родомъ была постоянною мыслию Гиреевъ, къ осуществленію которой они стремились при первомъ удобномъ случаѣ.

Мы видѣли, что въ послѣднее время жизни великаго князя Василія Казань спокойно повиновалась Москвѣ

въ лицѣ хана своего Еналея. Еналей перенесъ свои подручніческія отношенія и къ наслѣднику Василя, оставшись попрежнему вѣренъ Москвѣ. Но, вслѣдствіе частой переменѣ хановъ и вслѣдствіе разныхъ вліяній—Русскаго и Крымскаго, въ Казани давно уже успѣли образоваться двѣ стороны, изъ которыхъ каждая ждала удобнаго случая низложить противную сторону. Во время войны Москвы съ Литвою Крымская сторона въ Казани увидала удобный случай свергнуть Московскаго подручника: осенью 1535 года составилъ заговоръ, подъ руководствомъ князя Булата и царевны Горшадны, сестры Магметъ-Аминя. Еналей былъ убитъ, и царемъ провозглашенъ Сафа-Гирей. Но Московская партія не хотѣла съ своей стороны уступить: извѣщая правительницу, великую княгиню Елену, объ убіеніи Еналея, приверженцы Москвы велѣли передать ей: „Насъ въ заговорѣ князей и мурзъ съ 500 человекъ; помня жалованіе великихъ князей, Василя и Ивана, и свою присягу, хотимъ государю великому князю служить прямо, а государь бы насъ пожаловалъ, простилъ царя Шигъ-Алея и велѣлъ ему быть въ Москву; и когда Шигъ-Алей будетъ у великаго князя въ Москвѣ, то мы соединимся съ своими совѣтниками, и Крымскому царю въ Казани не быть“. Получивъ эти вѣсти, великая княгиня рѣшила съ боярами, что надобно Шигъ-Алея освободить изъ заключенія. *) Въ декабрѣ Шигъ-Алей былъ привезенъ съ Бѣла-озера и представленъ великому князю. Ханъ сталъ на колѣни и говорилъ: „Отецъ твой, великій князь Василій, взялъ меня дѣтинку малаго и жаловалъ, какъ отецъ сына, посадилъ царемъ въ Казани; но, по грѣхамъ моимъ, въ Казани произошла въ князьяхъ и въ

*) Онъ былъ сосланъ великимъ княземъ Василіемъ на Бѣлоозеро за тайныя сношенія съ Казанью, будучи недоволенъ назначеніемъ брата своего Еналея ханомъ Казанскимъ.

людяхъ несогласица, и я опять къ отцу твоему пришелъ на Москву. Отецъ твой меня пожаловалъ въ своей землѣ, далъ мнѣ города; а я грѣхомъ своимъ передъ государемъ провинился гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помысломъ. Тогда Богъ меня выдалъ, и отецъ твой меня за мое преступленіе наказалъ, опалу свою положилъ, смиряя меня; а теперь ты, государь, помня отца своего ко мнѣ жалованье, надо мною милость показалъ“. Затѣмъ Шигъ-Алей представлялся великой княгинѣ правительницѣ. И онъ, и жена его, Фатма-Салтанъ, были обласканы и одарены великимъ княземъ и его матерью.

Но въ то время какъ въ Москвѣ прочили Шигъ-Алея на Казанскій престолъ и имѣли въ виду дать въ немъ опору противной Крымцамъ сторонѣ въ Казани, началась уже война съ Сафа-Гиреемъ. Татары успѣли сжечь села около Нижняго, но отбиты были отъ Балахны; не имѣли они успѣха и въ другихъ мѣстахъ. Потомъ Казанцы вторглись въ Костромскія волости. Князь Засѣкинъ, стоявшій здѣсь для обороны, не собравшись съ людьми, ударилъ на татаръ, но былъ разбитъ и убитъ; но приближеніе воеводъ съ большимъ войскомъ заставило татаръ удалиться. Мы уже говорили, что Московское правительство спѣшило заключеніемъ перемирія съ Литвою изъ-за Казанскихъ и Крымскихъ дѣлъ. Успокоивъ и обезопасивъ этимъ перемиріемъ западныя границы, оно въ началѣ 1537 года двинуло войска къ востоку, во Владиміръ и Мещеру. Сафа-Гирей явился подъ Муромомъ и сжегъ предмѣстья, но города взять не могъ и ушелъ, заслышавъ о движеніи воеводъ изъ Владиміра и Мещеры. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда единовластіе Саипъ-Гирея въ Крыму явилось новымъ препятствіемъ для Русскихъ къ успѣшному наступленію на Казань. Угрозы Крымскаго хана были такъ внушительны, что приходилось отказаться отъ

рѣшительныхъ дѣйствій противъ Казани. Послу Крымскому отвѣчали въ Москвѣ, что если Сафа-Гирей Казанскій пришлетъ къ государю и захочетъ мира, то государь съ нимъ мира хочетъ. Саипъ-Гирей повторялъ: „Ты бѣ къ намъ прислалъ большаго своего посла, добраго человѣка, князя Василя Шуйскаго или Овчину, и казну бѣ свою большую къ намъ прислалъ, и съ Казанью помирился и оброковъ своихъ съ Казанскихъ мѣстъ братъ не велѣлъ; а пошлешь на Казань рать свою, и ты къ намъ посла не отправляй,—недругъ я тогда“. Въ Москвѣ разсуждали: „Не послушать царя, послать рать свою на Казань, и царь пойдетъ на наши украины, то съ двухъ сторонъ христіанству будетъ дурно—отъ Крыма и отъ Казани“. На этомъ основаніи приговорили—рати на Казань не посылать, посла Саипъ-Гиреева отпустить въ Казань и съ нимъ вмѣстѣ послать боярскаго сына къ Сафа-Гирею съ грамотою; а въ отвѣтной грамотѣ Саипъ-Гирею великій князь писалъ: „Для тебя, брата моего, и для твоего прошенія я удержалъ рать и послалъ своего человѣка къ Сафа-Гирею: захочетъ онъ съ нами мира, то пусть пришлетъ къ намъ добрыхъ людей; а мы хотимъ держать его такъ, какъ дѣдъ и отецъ нашъ держали прежнихъ Казанскихъ царей. А что ты писалъ къ намъ, что Казанская земля—юртъ твой, то посмотри въ старые твои лѣтописцы, не того ли земля будетъ, кто ее взялъ? Ты помнишь, какъ цари, потерявши свои ордынскіе юрты, приходили на Казанскій юртъ и брали его войнами, неправдами; а какъ дѣдъ нашъ милостію Божіею Казань взялъ и царя свелъ, то ты не помнишь! Такъ ты бы, братъ нашъ, помня свою старину, и нашей не забывалъ“. Такимъ образомъ вліяніе на Казань, бывшее прежде на сторонѣ Россіи, перешло теперь къ Крыму.

3-го апрѣля 1538 года умерла великая княгиня Елена, отравленная, какъ утверждаютъ, боярами. Началось десятилѣтнее самовластіе бояръ (разнобоярщина), ознаменованное взаимною борьбою правителей, угнетеніемъ народа и дурнымъ воспитаніемъ великаго князя Іоанна, оставшагося по смерти матери 8-ми лѣтъ. И въ боярское правленіе дѣла наши съ Казанью не имѣли благопріятныхъ результатовъ.

Надѣясь на защиту со стороны Крыма, Казанцы начали опустошать пограничныя Московскія области. Въ 1539 году они подходили къ Мурому и Костромѣ; въ упорномъ бою, происходившемъ не далеко отъ Костромы, они убили четверыхъ Московскихъ воеводъ, но сами принуждены были бѣжать и потерпѣли пораженіе отъ царя Шигъ-Алея и князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго. Въ декабрѣ 1540 года Сафа-Гирей съ Казанцами, Крымцами и Ногаями подступилъ къ Мурому, но, узнавъ о движеніи Владимірскихъ воеводъ и царя Шигъ-Алея изъ Касимова, ушелъ назадъ. Сафа-Гирей былъ обязанъ Казанскимъ престоломъ, между прочимъ, князю Булату; но существовала въ Казани партія, противная Крымской. Сначала эта партія была слаба и не могла рассчитывать на дѣятельную поддержку со стороны Москвы; но чрезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства перемѣнились: Сафа-Гирей окружилъ себя Крымцами, довѣряя имъ однимъ и обогащая ихъ. Это оттолкнуло отъ него и тѣхъ вельможъ, которые прежде были на сторонѣ Крымской. Князь Булатъ сталъ теперь во главѣ недовольныхъ и отъ имени всей Казанской земли послалъ въ Москву (въ 1541 году) съ просьбою, чтобы великій князь простилъ ихъ и прислалъ подъ Казань своихъ воеводъ. „А мы—говорилъ Булатъ—великому князю послужимъ, царя убьемъ или схватимъ, да выдадимъ воеводамъ. Отъ царя теперь

Казанскимъ людямъ очень тяжело: земскихъ людей грабить, копить казну да въ Крымъ посылаетъ“. Великій князь отвѣчалъ Булату и всей землѣ, что прощаетъ ихъ и посылаетъ къ нимъ воеводъ. Дѣйствительно бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, съ другими воеводами и многими людьми изъ 17-ти городовъ, отправился во Владиміръ наблюдать за ходомъ Казанскихъ дѣлъ и пересылаться съ недовольными. Такъ какъ война съ Казанью была вмѣстѣ съ тѣмъ и войною съ Крымомъ, то правительство Московское отправило войско и въ Коломну для наблюденія за южными границами. Въ Москву прибѣжали изъ Крыма двое плѣнныхъ и сказали, что Сафа-Гирей узналъ о движеніи Русскаго войска и далъ знать объ этомъ Саипъ-Гирею. Послѣдній двинулся на Русь со всею своею ордою, оставивъ въ Крыму только стараго да малаго. Вмѣстѣ съ нимъ пошли Турки, Ногаи, Кафинцы, Астраханцы, Азовцы, Бѣлогородцы (Аккерманцы). Въ Москву было дано знать, что Крымцы идутъ на Русь ордою въ 100,000 человекъ и даже болѣе. Тогда изъ Москвы двинулся бояринъ князь Дмитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій: ему и воеводамъ, стоявшимъ на Коломнѣ, велѣно стать на берегу Оки. Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ-Голицынъ съ однимъ изъ Татарскихъ царевичей долженъ былъ стать на Пахрѣ. Но въ то же время слѣдовало опасаться нападенія и царя Казанскаго, и потому царю Шигъ-Алею изъ Касимова и Костромскимъ воеводамъ велѣно было стягиваться ко Владиміру на помощь князю Шуйскому. 28-го іюля Саипъ-Гирей подошелъ къ городу Осетру. Воевода Глѣбовъ бился съ непріателемъ въ посадахъ, много татаръ побилъ и девять человекъ живыхъ прислалъ въ Москву. Тогда князь Булгаковъ съ Пахры былъ передвинутъ также на Оку, а на его мѣсто отправились другіе воеводы. Между тѣмъ въ

Москвѣ великій князь ходилъ въ Успенскій соборъ, молился у Владимірскаго образа Пресвятой Богородицы, у гроба Петра и чудотворца, и потомъ спрашивалъ у митрополита Іоасафа и у бояръ: оставаться ли ему въ Москвѣ или ѣхать въ другіе города? Всѣ бояре порѣшили на томъ, чтобы великому князю быть въ городѣ. Тогда стали запасать городскіе запасы, ставить по мѣстамъ пушки и пищали, росписывать людей по воротамъ, по стрѣльницамъ и по стѣнамъ. Пришли вѣсти, что ханъ уже на берегу Оки и хочетъ перевозиться. Великій князь писалъ къ воеводамъ, чтобы между ними не было розни и чтобы они за святыя церкви и за православное христіанство крѣпко пострадали; а онъ, великій князь, радъ жаловать не только ихъ, но и дѣтей ихъ. Прочтя грамоту, воеводы стали говорить со слезами: „Укрѣпимся, братья, любовію, помянемъ жалованіе великаго князя Василія; государю нашему, великому князю Ивану, еще не пришло время самому вооружиться, еще малъ. Послужимъ государю малому, и отъ большаго честь примемъ, а послѣ насъ и дѣти наши; постраждемъ за государя и за вѣру христіанскую. Если Богъ желаніе наше исполнитъ, то мы не только здѣсь, но и въ дальнихъ странахъ славу получимъ. Смертные мы люди: кому случится за вѣру и за государя до смерти пострадать, то у Бога незабвенно будетъ, и дѣтямъ нашимъ отъ государя воздаяніе будетъ“. Когда же приказъ великокняжескій объявленъ былъ всему войску, то ратные люди отвѣчали: „Рады государю служить и за христіанство головы положить, хотимъ съ татарами смертную чашу пить“. 30-го іюля утромъ Саипъ-Гирей пришелъ къ Окѣ на берегъ и сталъ на горѣ. Татары готовились переправляться. Передовой русскій полкъ, подъ начальствомъ князя Ивана Турунтая-Пронскаго, началъ

съ ними перестрѣлку. Ханъ велѣлъ палить изъ пушекъ и стрѣлять изъ пищалей, чтобы отбить Русскихъ отъ берега и дать своимъ возможность переправиться. Передовой полкъ Пронскаго дрогнулъ было; но къ нему на помощь подоспѣли князья Микулинскій и Серебряный-Оболенскій, а за ними начали показываться князь Курбскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и наконецъ князь Димитрій Бѣльскій. Ханъ удивился и началъ говорить своимъ князьямъ съ сердцемъ: „Вы мнѣ говорили, что великаго князя люди въ Казань пошли, что мнѣ и встрѣчи не будетъ; а я столько нарядныхъ людей въ одномъ мѣстѣ никогда и не видывалъ“. Услышавъ, что къ Русскимъ пришли пушки, Саипъ-Гирей отступилъ отъ берега и пошелъ по той же дорогѣ, по которой пришелъ. Двое воеводъ отправились вслѣдъ за нимъ, били отсталыхъ татаръ и забирали въ плѣнъ. 3-го августа татары пришли подъ Пронскъ и цѣлый день бились съ осажденными. Ханъ велѣлъ всѣмъ своимъ людямъ дѣлать туры и припасать градобитные приступы, намѣреваясь осадить городъ со всѣхъ сторонъ. А воеводы Пронскіе всѣми людьми и женскимъ поломъ начали укрѣплять городъ, велѣли носить на стѣны колья, камни, воду. Въ это время пріѣхали въ Пронскъ семь человекъ боярскихъ дѣтей съ вѣстью отъ воеводъ Микулинскаго и Серебрянаго, „чтобъ сидѣли въ городѣ крѣпко, а мы идемъ къ городу наспѣхъ со многими людьми“. Жители Пронска очень обрадовались; и ханъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, велѣлъ сжечь туры и пошелъ прочь отъ города. Не заставъ его у Пронска, воеводы пошли за нимъ дальше къ Дону; но, приблизившись къ берегамъ этой рѣки, увидали, что татары уже перевезлись. Тогда они возвратились въ Москву, и была здѣсь большая радость. Государь по-

жаловалъ бояръ и воеводъ великимъ жалованьемъ, шу-
бами и кубками.

Послѣ неудачнаго похода Саипъ-Гирея, въ Казани
стали думать о мирѣ. Здѣсь Булатъ помирился съ Сафа-
Гиреемъ и писалъ къ боярамъ, чтобы просили великаго
князя о мирѣ; царевна Горшадна писала о томъ же
самому Іоанну. За тѣмъ до весны 1545 года мы не
встрѣчаемъ никакихъ извѣстій о Казанскихъ дѣлахъ.
Въ апрѣлѣ этого года объявленъ былъ походъ на Ка-
зань—по какому поводу, неизвѣстно. Князь Семенъ
Пунковъ, Иванъ Шереметьевъ и князь Давидъ Палец-
кій отправились къ Казани на стругахъ, съ Вятки
пошелъ князь Василій Серебряный, изъ Перми—вое-
вода Львовъ. Идучи Вяткою и Камою, Серебряный по-
билъ много непріятелей и сошелся съ Пунковымъ у
Казани въ одинъ день и часъ, какъ будто пошли изъ
одного двора. Сошедшись воеводы побили много Ка-
занцевъ и возвратились благополучно. Не такова была
судьба третьяго отряда. Львовъ съ Пермичами пришелъ
поздно, не засталъ подъ Казанью Русскаго войска,
былъ окруженъ Казанцами, разбитъ и убитъ.

Хотя этотъ походъ не сопровождался, какъ видимъ,
особенно блестящими успѣхами, однако былъ важенъ
въ томъ отношеніи, что усилилъ внутренній безпорядокъ
въ Казани и борьбу партій. Многіе изъ казанскихъ вель-
можъ уѣхали въ Москву, а другіе разѣхались по инымъ
землямъ. 29-го іюля двое вельможъ, князь Кадышъ да
Чура Нарыковъ, прислали въ Москву съ просьбою,
чтобы великій князь послалъ рать свою къ Казани, а
они Сафа-Гирея и его Крымцевъ 30 человекъ выда-
дутъ. Іоаннъ отвѣчалъ имъ, чтобы они царя схватили
и держали, а онъ къ нимъ рать свою пошлетъ. Въ де-
кабрѣ великій князь самъ отправился во Владиміръ,
вѣроятно, для того, чтобы получать скорѣе вѣсти изъ

Казани. 17-го января 1546 года ему дали знать, что Сафа-Гирей выгнанъ изъ Казани и много Крымцевъ его побито. Казанцы били челомъ государю, чтобы онъ далъ имъ въ цари Шигъ-Алея, и въ іюнѣ Шигъ-Алей былъ посаженъ въ Казани. Но изгнаніе Сафа-Гирея и посаженіе Шигъ-Алея было дѣломъ только одной стороны. Едва князь Бѣльскій, посадившій Шигъ-Алея въ Казани, успѣлъ возвратиться оттуда, какъ пришла вѣсть, что Казанцы привели Сафа-Гирея на Каму и измѣнили великому князю и царю Шигъ-Алею.

Шигъ-Алей убѣжалъ изъ Казани.

IV.

Первые два похода Іоанна IV подъ Казань.

1547 и 1550 г.

По смерти матери, Іоаннъ остался, какъ мы говорили, 8-ми лѣтъ. Молодой государь подросталъ въ весьма неблагопріятной средѣ. Онъ имѣлъ отъ природы необыкновенно живыя способности и пылкій, впечатлительный характеръ. Къ несчастію, никто не позаботился дать ему хорошее воспитаніе. Бояре обходились съ нимъ грубо, дѣлали его свидѣтелемъ позорныхъ сценъ, часто оскорбляли самолюбіе ребенка и тѣмъ ожесточали его сердце. Съ раннихъ лѣтъ уже Іоаннъ началъ обнаруживать большую жестокость, которая проявлялась въ самыхъ дѣтскихъ его забавахъ. Бояре нисколько не старались исправлять дурныя его наклонности, напротивъ поощряли его къ подобнымъ забавамъ, лишь бы отклонить отъ вмѣшательства въ ихъ управленіе. Такимъ образомъ они сами себѣ при-

готовили грозу. Въ первый разъ Іоаннъ показалъ себя самодержавнымъ государемъ, когда ему было 13 лѣтъ: онъ вдругъ велѣлъ схватить гордаго князя-правителя Андрея Шуйскаго и отдать его на растерзаніе своимъ псарямъ. Господство Шуйскихъ кончилось; но ихъ мѣсто заступили дядья государя по матери, князья Глинскіе, и нѣсколько лѣтъ еще продолжались безпорядки боярскаго управленія.

1547-й годъ былъ замѣчательнымъ годомъ Іоаннова царствованія. Въ январѣ этого года государь торжественно короновался и принялъ съ этихъ поръ, внутри и внѣ государства, титулъ, котораго не рѣшались принять ни отецъ, ни дѣдъ его, титулъ *царя*, составлявшій до сихъ поръ привиллегію татарскихъ хановъ. Вслѣдъ затѣмъ молодой царь вступилъ въ бракъ, и выборъ его палъ на Анастасію Романовну, дочь боярина Романа Юрьевича Захарьина. Умная и кроткая Анастасія умѣла пріобрѣсти благотѣльное вліяніе на своего супруга, который горячо любилъ ее.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ царя Іоанна IV былъ походъ подъ Казань. Мы видѣли, что, вслѣдствіе торжества Крымской партіи въ Казани, Шигъ-Алей, посаженный Русскимъ правительствомъ, принужденъ былъ бѣжать изъ Казани. Первымъ дѣломъ возвратившагося въ нее опять Сафа-Гирея было избіеніе предводителей противной партіи: убиты были князья Чура, Кадышъ и другіе. Братья Чуры и еще человѣкъ 70 доброжелателей Москвы или что тоже Шигъ-Алея успѣли спастись бѣгствомъ въ Москву. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Горная Черемиса прислала бить челомъ царю Іоанну, чтобы онъ послалъ рать на Казань, а они хотятъ служить государю. Вслѣдствіе этого челобитья отправился князь Александръ Борисовичъ Горбатый, воевалъ до устья Свіаги и привелъ въ Москву 100 человѣкъ Че-

ремисы. Въ концѣ 1547 года новый царь Московскій рѣшился самъ выступить въ походъ противъ Казани. Въ декабрѣ онъ выѣхалъ во Владиміръ, куда приказалъ вести за собою пушки. Онѣ были отправлены уже въ началѣ января слѣдующаго года съ большимъ трудомъ, потому что зима была теплая, вмѣсто снѣга шелъ все дождь, и обозы и пушки тонули въ грязи. Въ февралѣ самъ Іоаннъ выступилъ изъ Нижняго-Новгорода и остановился на островѣ Работкѣ (въ 80 верстахъ за Нижнимъ). Въ это время наступила сильная оттепель, ледъ на Волгѣ покрылся водою, много пушекъ и пищалей провалилось въ рѣку, много людей потонуло въ продушинахъ, которыхъ не видно было подъ водою. Три дня простоялъ царь на островѣ Работкѣ, тщетно ожидая пути. Тогда, отпустивъ къ Казани князя Дмитрія Ѳедоровича Бѣльскаго и приказавъ ему соединиться съ Шигъ-Алеемъ въ устьѣ Цивили, Іоаннъ возвратился въ Москву въ большихъ слезахъ и въ великой печали, что Богъ не сподобилъ его совершить похода. Бѣльскій соединился съ Шигъ-Алеемъ, и они вмѣстѣ подошли къ Казани. На Арскомъ полѣ ихъ встрѣтилъ Сафа-Гирей, но былъ втоптанъ въ городъ передовымъ полкомъ, находившимся подъ начальствомъ князя Семена Микулинскаго. Семь дней послѣ того стояли воеводы подлѣ Казани, опустошая окрестности и возвратились, потерявъ изъ знатныхъ людей убитымъ Григорія Васильевича Шереметева. Осенью Казанцы напали на Галицкую волость подъ начальствомъ Арака-Богатыря; но Костромской намѣстникъ Яковлевъ поразилъ ихъ на голову на берегахъ рѣчки Еговки, на Гусевомъ полѣ, и убилъ Арака. Въ мартѣ 1549 года въ Москву пришла вѣсть о смерти Сафа-Гирея.

Медленность Московскаго правительства въ войнѣ

съ Казанью во время малолѣтства Іоаннова, происшедшая главнымъ образомъ отъ страха предъ ханомъ Крымскимъ, дорого стоила пограничнымъ областямъ, сильно опустошеннымъ Казанцами. Когда Казань находилась въ рукахъ Сафа-Гирея, злѣйшаго врага Русскихъ, она, по выраженію современниковъ, „допекала Руси хуже Батыева разоренія: Батый только одинъ разъ протекъ Русскую землю, словно горящая головня; а Казанцы безпрестанно нападали на Русскія земли, жгли, убивали и таскали людей въ плѣнъ“. Ихъ набѣги сопровождались варварскими жестокостями: они выкалывали плѣнникамъ глаза, обрѣзывали имъ уши и носы, обрубали руки и ноги, вѣшали за ребра на желѣзныхъ крючьяхъ. Русскихъ плѣнниковъ у Казанцевъ было такое множество, что ихъ продавали огромными толпами, словно скотъ, разнымъ восточнымъ купцамъ, нарочно прїѣзжавшимъ для этой цѣли въ Казань.

Смерть Сафа-Гирея, усилившая внутреннія волненія въ Казани, была весьма выгодна для Московскаго царя, не говоря уже о томъ, что въ лицѣ его Русскій народъ избавился отъ своего жесточайшаго врага. Царемъ Казанскимъ былъ провозглашенъ двухлѣтній сынъ Сафа-Гирея, Утемишъ, подъ опекою матери Сююнъ-Беки. *) Если Казань долгое время могла поддерживать свою независимость, благодаря малолѣтству Іоанна, то теперь наоборотъ, когда Іоаннъ возмужалъ и обнаружилъ намѣреніе рѣшительно дѣйствовать противъ Казани, въ послѣдней царемъ явился младенецъ. Казанцы, понимая невыгоду своего положенія, послали къ Крымскому хану просить у него помощи. Но московскіе казаки побили пословъ казанскихъ и переслали въ Москву грамоты,

*) Въ Казани до сихъ поръ уцѣлѣла башня, называемая именемъ Сююнъ-Беки, или Сумбеки.

которыя они везли въ Крымъ. Не видя помощи изъ Крыма, Казанцы въ іюлѣ 1549 года прислали къ Іоанну грамоту, въ которой отъ имени Утемишъ-Гирея писали о мирѣ. Царь отвѣчалъ, чтобы прислали къ нему для переговоровъ добрыхъ людей. Не дождавшись пословъ изъ Казани, Іоаннъ 24 ноября самъ выступилъ въ походъ съ роднымъ братомъ своимъ Юріемъ, оставивъ оберегать Москву двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича, и пришелъ подъ Казань уже въ февралѣ 1550 года. Однако и второй походъ Іоанна подъ Казань также не имѣлъ успѣха. Приступъ къ городу не удался: съ обѣихъ сторонъ было побито множество народа, а потомъ настала оттепель, подули сильныя вѣтры, полилъ дождь. Простоявъ подъ Казанью 11 дней, Іоаннъ принужденъ былъ возвратиться въ Москву. Впрочемъ онъ не хотѣлъ на этотъ разъ возвратиться совершенно ни съ чѣмъ: по примѣру отца, основавшаго Васильсурскъ, онъ заложилъ на устьѣ Свіаги городъ Свіяжскъ. Дьякъ Иванъ Выродковъ отправился на Волгу, въ Углицкій уѣздъ, въ отчину князей Ушатыхъ, рубить лѣсъ для церквей и городскихъ стѣнъ и везти его на судахъ внизъ по Волгѣ; а для поставленія города отправились весною на судахъ царь Шигъ-Алей съ двумя главными воеводами — княземъ Юріемъ Булгаковымъ и Данилою Романовичемъ Юрьевымъ, братомъ царицы Анастасіи. Туда-же поѣхали съ войскомъ и Казанскіе выходцы, которыхъ тогда въ Москвѣ было 500 человекъ. Князю Петру Серебряному велѣно было идти изъ Нижняго на Казанскій посадъ. Казаки стали на всѣхъ перевозахъ по Камѣ, Волгѣ и Вяткѣ, чтобы воинскіе люди не ѣздили изъ Казани и въ Казань. Серебряный въ точности и съ успѣхомъ исполнилъ приказъ: явился внезапно передъ Казанскимъ посадомъ, побилъ много людей и живыхъ побралъ, а также осво-

бодилъ многихъ Русскихъ плѣнниковъ; 24-го мая Шигъ-Алей пришелъ съ воеводами на Свіягу. Тотчасъ начали очищать отъ лѣса мѣсто, гдѣ предположено быть городу. Когда очистили гору, то пропѣли молебень, освятили воду и обошли съ крестами по мѣсту будущихъ стѣнъ; потомъ обложили городъ и заложили церковь въ честь Рождества Богородицы и во имя Чудотворца Сергія. Лѣсу, привезеннаго сверху по Волгѣ, достало только на половину горы; другую половину приготовили тотчасъ-же воеводы и дѣти боярскіе своими людьми. Построеніе города окончено было въ четыре недѣли *).

V.

Добровольное подчиненіе Казанцевъ Москвѣ и послѣдняя ихъ измѣна.

Построеніе города Свіяжска подь-бокомъ у Казани было вторымъ шагомъ къ полному покоренію Казанскаго царства, какъ построеніе Васильсурска было первымъ шагомъ. Въ самомъ дѣлѣ, скоро не замедлили оказаться слѣдствія построенія новаго города: Горные Черемисы (то-есть, жившіе на правомъ, нагорномъ берегу Волги), увидавъ, что въ ихъ землѣ сталъ Русскій городъ, начали пріѣзжать къ Шигъ-Алею и воеводамъ съ челобитьемъ, чтобы государь простилъ ихъ и велѣлъ имъ быть у Свіяжскаго города, чтобы облегчилъ ихъ въ ясакѣ (оброкѣ) и далъ имъ свою жалованную грамоту о томъ, какъ имъ впередъ быть. Государь далъ имъ грамоту съ золотою печатью и сложилъ съ нихъ

*) Свіяжскъ, теперь уѣздный городъ Казанской губерніи, находится въ 32 верстахъ отъ Казани и стоитъ на возвышенномъ и красивомъ мѣстѣ.

ясакъ на три года, а Шигъ-Алею и воеводамъ приказалъ привести Горную сторону къ присягѣ и послать Черемисъ войною на Казань, чтобы удостовѣриться въ томъ, останутся-ли они вѣрными государю. Воеводы привели къ присягѣ Черемисъ, Чуваши и Мордву и сказали имъ: „Вы присягнули государю: такъ ступайте, покажите свою правду государю, воюйте его недруга (то-есть, Казанцевъ)“. Новые подданные московскаго государя собрались большими толпами, перевезлись на луговую (лѣвую) сторону Волги, пришли къ Казани на Арское поле и крѣпко бились съ Крымцами, вышедшими къ нимъ навстрѣчу. Когда же изъ города вывели пушки и пищали и начали стрѣлять, то Черемисы и Чуваши дрогнули и побѣжали, потерявъ 100 человекъ убитыми и 50 человекъ взятыми въ плѣнъ. Показавъ вѣрную службу Русскому царю, Горные люди начали ѣздить по 500—600 человекъ въ Москву, гдѣ встрѣчали ласковый пріемъ у царя.

Построеніе Свияжска и отпаденіе Горной стороны усилило въ Казани Московскую партію противную Крымской: „начали розниться Казанцы съ Крымцами“, говоритъ лѣтопись. Крымцы, опасаясь, что Казанцы при первомъ удобномъ случаѣ могутъ выдать ихъ Русскимъ, собрались, пограбили все, что было можно, и побѣжали изъ Казани въ числѣ 300 человекъ, побросавъ женъ и дѣтей. Они бѣжали вверхъ по Камѣ и вошли въ Вятку. Но вятскій воевода Зюзинъ поразилъ ихъ наголову и потопилъ; 46 человекъ были взяты въ плѣнъ, отосланы въ Москву и тамъ казнены смертію—„за ихъ жестокосердіе“, говоритъ лѣтописецъ. Послѣ бѣгства Крымцевъ, Казань очутилась въ рукахъ Русской партіи. И вотъ къ Іоанну явились Казанскіе послы съ челобитьемъ, чтобы онъ не велѣлъ плѣнить ихъ, далъ бы имъ на царство Шигъ-Алея, а царя Утемишъ-Гирея

съ матерью Сююнбскою взялъ къ себѣ. Іоаннъ отвѣчалъ, что пожалуетъ землю Казанскую, если Казанцы выдадутъ царя, царицу, остальныхъ Крымцевъ и дѣтей, и освободятъ всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ. Алексѣй Адашевъ отправился въ Свіяжскъ объявить Шигъ-Алею, что государь жалуетъ ему Казанское царство съ Луговою и Арскою стороною, но Горная сторона отойдетъ къ Свіяжску, какъ завоеванная самимъ Іоанномъ еще до челобитья Казанцевъ. Шигъ-Алея сильно оскорбило это послѣднее условіе; но бояре прямо объявили ему, что оно не будетъ измѣнено не подъ какимъ видомъ; то же самое было объявлено и Казанскимъ вельможамъ, когда они начали было говорить, что землю раздѣлять не слѣдуетъ. Въ августѣ (1551 года) Шигъ-Алей посаженъ былъ въ Казани и, согласно условію, освободилъ Русскихъ плѣнниковъ—60,000 человѣкъ.

Въ Казани опять начала усиливаться партія, противная Русскимъ, вслѣдствіе тяжелыхъ условій, наложенныхъ Московскимъ царемъ. Шигъ-Алею и вельможамъ Казанскимъ нестерпимо было отдѣленіе Горной стороны. Оставленные при Шигъ-Алеѣ бояринъ Кабаровъ и дьякъ Выродковъ уже въ сентябрѣ дали знать государю, что Русскіе плѣнные освобождены не всѣ, что Шигъ-Алей знаетъ это, но не обращаетъ на это вниманія, боясь волненія. Іоаннъ не могъ терпѣть того, чтобы Русскіе люди томились въ плѣну въ подчиненномъ государствѣ; однако онъ надѣялся кроткими мѣрами, ласкою заставить Шигъ-Алея и Казанцевъ исполнить предъявленные имъ условія. Въ Казань поѣхали бояринъ князь Димитрій Палецкій и дьякъ Клобуковъ: они повезли царскіе подарки хану, ханшѣ, князьямъ Казанскимъ и благодарность царю и землѣ Казанской за службу; но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были требовать освобожденія всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ, въ противномъ случаѣ объявить,

что государь терпѣть этого не будетъ. Между тѣмъ какъ Палецкій поѣхалъ въ Казань съ этимъ наказомъ, изъ Казани въ Москву пріѣхали послы съ челобитьемъ отъ Шигъ-Алея, чтобы государь уступилъ ему Горную сторону; если же не хочетъ уступить всей стороны, то пусть дастъ хотя нѣсколько оброковъ съ бѣя и кромѣ того далъ бы клятву царю и землѣ Казанской въ соблюденіи мира. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что не уступить съ Горной стороны ни одной деньги и клятву дастъ тогда, когда въ Казани освободятъ Русскихъ плѣнныхъ—всѣхъ до одного человѣка. Возвратившись изъ Казани, бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ сообщили, что Казанцы мало освобождаютъ плѣнныхъ, куютъ ихъ и прячутъ по ямамъ, а Шигъ-Алей не наказываетъ тѣхъ, у кого найдутъ плѣнниковъ, оправдываясь тѣмъ, что боится волненія. Ему доносятъ, что Казанскіе князья ссылаются съ Ногаями: онъ объ этомъ развѣдываетъ и дастъ знать государю. Дѣйствительно, въ ноябрѣ Шигъ-Алей и князь Палецкій дали знать, что Казанскіе князья сносятся съ Ногаями и хотятъ убить Шигъ-Алея и Палецкаго. Узнавъ о заговорѣ, Шигъ-Алей предупредилъ заговорщиковъ, зазвалъ ихъ къ себѣ на пиръ, и велѣлъ ихъ перебить, числомъ 70 человѣкъ, а другіе разбѣжались.

Необходимо было предпринять новыя, болѣе дѣйствительныя мѣры къ прекращенію волненій и безпорядковъ въ безпокойной Казани. Іоаннъ отправилъ въ Казань Алексѣя Адашева сказать Шигъ-Алею: „Самъ ты видишь измѣну Казанцевъ, они изначала лгутъ государямъ Московскимъ, брата твоего Еналея убили, тебя самого нѣсколько разъ изгоняли и теперь хотѣли убить: нужно непременно, чтобъ ты укрѣпилъ городъ Русскими людьми“. Шигъ-Алей отвѣчалъ на это: „Прожить мнѣ въ Казани нельзя: сильно я раздосадовалъ

Казанцевъ, — обѣщаль я имъ у царя и великаго князя Горную сторону выпросить. Если меня государь пожалуетъ, Горную сторону дастъ, то мнѣ въ Казани жить можно, и пока я живъ, до тѣхъ поръ Казань государю крѣпка (вѣрна) будетъ. Если же у меня Горной стороны не будетъ, то мнѣ бѣжать къ государю“. Князь Палецкій и Адашевъ говорили ему на это: „Если тебѣ къ государю бѣжать, то укрѣпи городъ Русскими людьми (то есть Русскимъ войскомъ)“. Шигъ-Алей не соглашался на это: „Я бусурманъ (мусульманинъ), не хочу на свою вѣру стать, и государю измѣнить не хочу же, ѣхать мнѣ некуда, кромѣ государя“. Палецкій и Адашевъ отправились въ Москву, оставивъ въ Казани Ивана Черемисинова съ отрядомъ стрѣльцовъ беречь Шигъ-Алея отъ Казанцевъ; пріѣхавъ на Свіягу, Палецкій узналъ здѣсь, что въ народѣ ходятъ слухи: придетъ весна, и Казанцы измѣнятъ государю; а Шигъ-Алея не любятъ. Когда же Казанцы измѣнятъ, тогда — увѣряли Палецкаго — и Горную сторону нельзя будетъ удержать.

Очевидно, Казань не могла долго оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи. Дѣло приближалось къ развязкѣ. Послѣ кроваваго пира, устроеннаго Шигъ-Алеемъ, ненависть къ нему достигла высшей степени. Было бы очень неблагоприятно силою поддерживать ненавистнаго хана. Двинуть къ Казани большіе полки, не дожидаясь перваго движенія со стороны самихъ Казанцевъ, значило ускорить кровавую развязку, подвергнуть явной опасности жизнь Шигъ-Алея и находившихся при немъ Русскихъ стрѣльцовъ, а главное — дать Казанцамъ полное право къ возстанію; съ другой же стороны захватить городъ внезапно безъ вѣдома хана было нельзя, — а ханъ не хотѣлъ измѣнить бусурманству. Къ счастью, сами Казанцы вывели Іоанна изъ затруднительнаго положенія. Ненависть къ Шигъ-Алею

и въ то же время невозможность избавиться отъ него, невозможность борьбы съ Москвою навели Казанцевъ на мысль предложить Іоанну полное подданство, лишь бы только онъ вывелъ отъ нихъ Шигъ-Алея. Смѣны ненавистнаго хана желали въ особенности тѣ враги его, которые спаслись отъ участи, постигшей товарищей ихъ на пиру ханскомъ, и которыхъ онъ общалъ извести. Они снеслись съ казанскими послами, задержанными въ Москвѣ по просьбѣ Шигъ-Алея (такъ какъ были изъ числа главныхъ враговъ его), и рѣшились дѣйствовать чрезъ нихъ. Въ январѣ 1552 года эти послы явились къ Іоанну и объявили, что имъ есть приказъ отъ Казанской земли просить государя, чтобы онъ свелъ царя Шигъ-Алея и далъ имъ въ намѣстники своего боярина. Если же государь не согласится на это, то Казанцы будутъ добывать себѣ государя изъ другихъ земель. Въ февралѣ въ Казань отправился опять любимецъ государя, Алексѣй Адашевъ, чтобы свести съ царства Шигъ-Алея. Адашевъ объявилъ Шигъ-Алею, чтобы онъ пустилъ Московскихъ людей въ городъ, а самъ пусть просить у государя, чего хочетъ. Шигъ-Алей отвѣчалъ попрежнему, что „бусурманскаго юрта не нарушить“, но уѣдетъ въ Свѣяжскъ, потому что въ Казани ему жить нельзя, — Казанцы уже послали къ Ногаямъ просить себѣ другаго царя. Заколотивъ тайно нѣсколько пушекъ и отправивъ въ Свѣяжскъ пищали и порохъ, Шигъ-Алей 6-го марта выѣхалъ изъ Казани на озеро ловить рыбу и взялъ съ собою многихъ князей, мурзъ, горожанъ и всѣхъ 500 стрѣльцовъ Московскихъ. Выѣхавъ за городъ, онъ сталъ говорить Казанцамъ: „Хотѣли вы меня убить и били челомъ на меня царю и великому князю, чтобы меня свелъ за то, что я надъ вами лихо дѣлаю, и далъ бы вамъ намѣстника. Царь и великій князь велѣлъ мнѣ изъ Казани выѣхать, и я

къ нему ѣду, и васъ съ собою къ нему же веду,—тамъ управимся“. Этихъ князей и мурзъ, приведенныхъ Шигъ-Алеемъ въ Свіяжскъ, было 84 человекъ. Въ тотъ же день бояринъ князь Семенъ Ивановичъ Микулинскій послалъ въ Казань двухъ казаковъ съ грамотами, въ которыхъ говорилось, что по челобитью Казанскихъ князей государь царь Шигъ-Алея съ царства свелъ и далъ имъ въ намѣстники его, князя Семена, чтобы они ѣхали въ Сіажскъ присягать, и когда они присягнутъ, тогда онъ поѣдетъ къ нимъ. Казанцы отвѣчали, что хотятъ во всемъ исполнить волю государеву. Черемисновъ далъ знать Микулинскому, что вся земля Казанская охотно присягаетъ государю, и лучшіе люди ѣдутъ въ Сіажскъ. Люди дѣйствительно пріѣхали на другой день и присягнули. Послѣ этого Микулинскій отправилъ въ Казань Черемисина съ толмачомъ приводить къ присягѣ остальныхъ людей и смотрѣть, нѣтъ ли какого лиха, и чтобы все было тихо, когда Русскіе полки будутъ вступать въ городъ. Ночью Черемисновъ далъ знать Микулинскому, что все спокойно, царскій дворъ опоражниваютъ, и сельскіе люди, давъ присягу, разъѣзжаются по селамъ. Черемисновъ писалъ, чтобы намѣстникъ отправлялъ въ Казань свой легкій обозъ съ съѣстнымъ и прислалъ съ сотню казаковъ, потому что они на царевомъ дворѣ могутъ пригодиться на всякій случай. Намѣстникъ отпустилъ обозъ съ 70 казаками, у которыхъ было 72 пищали. Скоро двинулись въ Казань и бояре—князь Семенъ Микулинскій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ и князь Петръ Серебряный. Князь Ромодановскій велъ сторожевой полкъ, въ сопровожденіи всѣхъ тѣхъ Казанцевъ, которыхъ вывелъ Шигъ-Алей. По дорогѣ ихъ встрѣчали разные князья просили ихъ ѣхать въ городъ; а мы (говорили они)—холопы государя, всѣ въ его волѣ. Въ Казань и изъ

Казани ѣздили къ воеводамъ дѣти боярскіе и говорили, что всѣ люди государеву жалованью рады, и что Иванъ Черемисиновъ продолжаетъ приводить всѣхъ къ присягѣ.

Все шло какъ нельзя лучше. Безъ особенныхъ усилій и помѣхъ, безъ кровопролитія Іоаннъ пріобрѣталъ знаменитое царство, брался уже, такъ сказать, рукою за вѣнецъ его... Но вдругъ все перемѣнилось неожиданно.

Дорогою трое Казанскихъ вельможъ (двое князей — Исламъ и Кебякъ и мурза Аликей) отпросились у воеводъ въ Казань. Пріѣхавъ въ Казань, они затворили городъ и объявили жителямъ, что Русскіе непременно истребятъ ихъ всѣхъ, что объ этомъ говорилъ самъ Шигъ-Алей. Когда бояре подѣхали къ Казани, они были встрѣчены Иваномъ Черемисиновымъ, который объявилъ имъ: „До сихъ поръ мы лиха никакого не видали; но теперь, какъ прибѣжали отъ васъ князья и стали говорить лихія слова, то люди замѣшались“. Бояре подѣхали къ *Царевымъ воротамъ*—ворота затворены, а вооруженные люди бѣгутъ на стѣны. Тутъ пріѣхали къ воеводамъ Казанскіе князья и стали бить челомъ, чтобъ не кручинились: „возмутили землю лихіе люди,—подождите, пока не утихнутъ“. Бояре отправили въ городъ двоихъ Казанскихъ вельможъ сказать жителямъ: „Зачѣмъ вы измѣнили? Вчера и даже сегодня еще присягали—и вдругъ измѣнили! А мы клятву свою держимъ, ничего дурнаго вамъ не дѣлаемъ“. Посланные возвратились съ такимъ отвѣтомъ: „Люди боятся побою, а насъ не слушаютъ“. Всѣ переговоры не привели ни къ чему, и бояре, видя, что ничего добраго не выйдетъ, велѣли перехватать Казанскихъ вельможъ и казаковъ, которыхъ вывелъ Шигъ-Алей, а Казанцы задержали у себя дѣтей боярскихъ, прибывшихъ напередъ съ воеводскими обозами. Простоявъ полтора

дня подъ Казанью, воеводы пошли назадъ къ Свіяжску, приказавъ не трогать Казанскаго посада, чтобы съ своей стороны не нарушать ни въ чемъ крестнаго цѣлованія. А Казанцы, пославъ къ Ногаямъ просить царя немедленно начать войну, стали приходить на Горную сторону и отводить жителей ея отъ Москвы. Но Горные люди побили ихъ отрядъ и взяли въ плѣнъ двоихъ князей, которыхъ привели къ воеводамъ: по приказанію воеводъ плѣнники были казнены.

Вѣсть объ этихъ неожиданныхъ и прискорбныхъ событіяхъ получена была царемъ Іоанномъ 24-го марта, и онъ немедленно отправилъ на помощь къ воеводамъ въ Свіяжскъ шурина своего, Данилу Романовича Захарьина-Юрьева. Шигъ-Алею велѣно было отправиться изъ Свіяжска въ свой городокъ Касимовъ. Въ апрѣлѣ царь созвалъ совѣтъ относительно рѣшительнаго похода на Казань. На этомъ совѣтѣ было высказано много разныхъ мнѣній. Принимая во вниманіе, что война предстоитъ не съ одними только Казанцами, но также и съ Ногаями и съ Крымомъ, предлагали послать подъ Казань воеводъ, а самому царю остаться въ Москвѣ. Но Іоаннъ объявилъ, что хочетъ отправиться въ походъ непременно самъ, рассчитывая въ такомъ случаѣ на болѣе вѣрный успѣхъ. „Богъ видитъ мое сердце“, говорилъ онъ: „хочу не земной славы, а покоя христіанъ. Возмогу ли нѣкогда безъ робости сказать Всевышнему: *се я и люди Тобою мнѣ данные*, если не спасу ихъ отъ свирѣпости вѣчныхъ враговъ Россіи, съ которыми не можетъ быть ни мира, ни отдохновенія?“ Молодой царь глубоко сознавалъ необходимость *сразить главу Казани* и потому, несмотря на всѣ возраженія бояръ, рѣшительно сказалъ, что *пойдетъ на свое дѣло*, дѣло, которое онъ считалъ нравственно обязательнымъ для себя. Итакъ рѣшено было отпустить водою войско, большой

нарядъ (артиллерію), запасы для царя и всего войска, а самому государю идти полемъ (сухимъ путемъ), когда приспѣетъ время.

Между тѣмъ изъ Свіяжска пришли дурныя вѣсти, что Горные люди волнуются и многіе изъ нихъ ссылаются съ Казанцами, да и во всѣхъ мало правды и большое непослушаніе. Къ довершенію несчастія, въ Русскомъ войскѣ открылась ужасная болѣзнь—цынга, отъ которой умерло много дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ и которая все еще продолжала свирѣпствовать. Получивъ эти извѣстія Іоаннъ велѣлъ князьямъ Александру Борисовичу Горбатову и Петру Ивановичу Шуйскому немедленно двинуться въ Свіяжскъ. Вѣсти, присланныя ими Іоанну съ мѣста дѣйствія, были еще менѣе утѣшительны. Горбатый и Шуйскій сообщали слѣдующее: Горные люди измѣнили всѣ, пристали къ Казани и сдѣлали нападеніе около Свіяжска на табуны воеводскихъ стадъ. Воеводы посылали на нихъ казаковъ, но Казанцы казаковъ разбили, убили 70 человекъ и взяли пищали. Болѣзнь (цынга) не ослабѣваетъ: продолжаетъ умирать много людей. Отъ князя Михаила Глинскаго изъ Камы ѣхали казаки въ судахъ на Свіягу за кормомъ. Казанцы всѣхъ ихъ перебили; не давъ пощады и взятымъ въ плѣнъ 31 человекъ, перебили и всѣхъ дѣтей боярскихъ, пріѣхавшихъ напередъ въ Казань съ воеводскими обозами и захваченныхъ тамъ жителями. Наконецъ—сообщали Горбатовъ и Шуйскій—Казанцы получили уже царя отъ Ногаевъ—Астраханскаго царевича Едигера-Магмета: его подстерегали, но не могли схватить на пути въ Казань.

Таковы были печальныя извѣстія, полученные изъ Свіяжска. Однако Іоаннъ не пришелъ отъ нихъ въ уныніе и не поколебался въ своей рѣшимости. Прежде всего онъ счелъ нужнымъ поднять духъ въ Свіяжскомъ

войскъ религіозными средствами, тѣмъ болѣе, что къ болѣзни физической тамъ присоединилась болѣзнь нравственная—сильный развратъ. Изъ Благовѣщенскаго собора перенесены были въ Успенскій соборъ мощи святыхъ отцовъ, съ нихъ освящена была вода и отправлена въ Свіязскъ съ Архангельскимъ протопопомъ Тимоѳеемъ, „мужемъ изряднымъ, наученымъ богодухновенному писанію“. Вмѣстѣ съ освященною водою Тимоѳеей повезъ также поученіе къ войску отъ митрополита Макарія*). Пріѣхавшій въ это время изъ Касимова бывшій царь Казанскій Шигъ-Алей началъ совѣтовать Іоанну не выступать въ походъ до зимы—во-первыхъ потому, что лѣтомъ слѣдуетъ ожидать прихода другихъ недруговъ, и во-вторыхъ потому, что Казанская земля сильно укрѣплена природою—лѣсами, озерами, болотами; зимою ее легче воевать: зима будетъ вамъ мостомъ. Іоаннъ ствѣчалъ ему, что воеводы уже отпущены со многими ратными людьми на судахъ съ большимъ нарядомъ и со всѣми запасами; а что у Казанцевъ лѣса и воды представляютъ великія крѣпости, то Богъ и непроходимыя мѣста дѣлаетъ проходимыми и острые пути превращаетъ въ гладкія.

*) Вотъ это поученіе: „Милостію Божіею, мудростію нашего царя и вашимъ мужествомъ твердыня христіанская поставлена въ землѣ враждебной. Господь далъ намъ и Казань безъ кровопролитія. Мы благоденствуемъ и славимся. Литва, Германія ищутъ нашего дружества. Чѣмъ же мы можемъ изъяснить признательность Всевышнему?—Исполненіемъ Его заповѣдей. А вы исполняете ли ихъ? Молва народная тревожитъ сердце государево и мое. Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ васъ, забывъ страхъ Божій, утопаютъ въ грѣхахъ Содома и Гоморры; что многія благоразумныя дѣвы и жены, освобожденныя плѣнницы Казанскія, оскверняются развратомъ между вами; что вы, угождая имъ, *кладете бритву на брады свои* и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь быть мужами. Вѣрю сему, ибо Господь казнить васъ не только болѣзнію, но и срамомъ. Гдѣ ваша слава? Бывъ ужасомъ враговъ, нынѣ служите для нихъ посмѣшищемъ. Оружіе тупо, когда нѣтъ добродѣтели въ сердцахъ; крѣпкіе слабѣютъ отъ пороковъ. Злодѣйство возсталло, измѣна явилась,—и вы уклоняете щитъ предъ ними. Богъ, Іоаннъ и Церковь призываетъ васъ къ раскаянію. Исправьтесь, или увидите гнѣвъ царя, услышите клятву церковную“.

VI.

Рѣшительный походъ Іоанна Грознаго подъ Казань.

16-го іюня—23-го августа 1552 года.

Приближался послѣдній, роковой часъ для Казани. Іоаннъ непоколебимо рѣшился уничтожить это гнѣздо хищниковъ, причинявшихъ Русскимъ такъ много зла. Но если Іоаннъ укрѣплялся въ своемъ рѣшеніи религіознымъ одушевленіемъ и сознаніемъ необходимости избавить свой народъ отъ жесточайшаго его врага, то и Казанцы рѣшились защищаться отчаянно: они также сознавали, что начинающаяся война должна имѣть для нихъ роковое значеніе, что вопросъ идетъ теперь для нихъ о томъ, быть имъ или не быть. Христіанскій царь шелъ на мусульманское царство: спасти отъ него Казань—вотъ что сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ всѣхъ мусульманъ, вотъ призывный кличъ, раздавшійся на берегахъ Волги, Салгира и Яика! Отовсюду—изъ Астрахани, изъ Крыма, изъ Сибири, отъ Ногайцевъ стекались въ Казань татарскіе удалцы. Астраханскій царевичъ Едигеръ сдѣлался уже царемъ Казанскимъ. Султанъ турецкій Солиманъ, главный представитель мусульманъ, писалъ къ Ногаямъ, совѣтовалъ имъ жить въ мирѣ съ Астраханью и Крымомъ и усердно защищать Казань отъ гордаго Русскаго царя, сожалья въ то же время, что отдаленность мѣшаетъ ему оказать ей помощь войскомъ и оружіемъ. Не даромъ современники говорили, что на защиту Казани устремлены были всѣ

силы ада. Помимо всѣхъ другихъ исторически сложившихся условій, характеръ упорнаго ожесточенія сообщался борьбѣ Русскихъ съ Казанцами тѣмъ, что въ лицѣ ихъ сталкивались между собою двѣ враждебныя силы—христіанство и магометанство.

16-е іюня было днемъ выступленія Іоанна въ походъ. Онъ простился съ своею супругою, которая въ это время была беременна. Анастасія Романовна съ плачемъ упала въ объятія супруга, оставлявшаго ее, быть можетъ, надолго. Стараясь быть твердымъ Іоаннъ, утѣшалъ ее, говоря, что исполняетъ долгъ царя и не боится смерти за отечество, и поручилъ ея материнскому попеченію всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ: „Милуй и благотвори безъ меня, даю тебѣ волю царскую: отвори темницы, снимай опалу съ самыхъ виновныхъ, по твоему усмотрѣнію, и Всевышній наградитъ меня за мужество, а тебя за благость“. Ставъ на колѣни, Анастасія Романовна вслухъ молилась о здравіи и благоденствіи супруга. Затѣмъ Іоаннъ отправился въ Успенскій соборъ и долго молился здѣсь, *) просилъ митрополита и весь священный соборъ быть ревностными ходатаями за Россію предъ Богомъ, утѣшителями Анастасіи и добрыми совѣтниками брата его Юрія, который былъ оставленъ начальникомъ Москвы, вмѣстѣ съ маститымъ старцемъ, княземъ Михаиломъ Булгаковымъ (незадолго до этого времени возвратившимся изъ неволи литовской) и митрополитомъ. Вышедши изъ церкви, царь-воинъ сѣлъ на коня и съ царской дружиною поѣхалъ на Коломну, обѣдалъ въ селѣ Коломенскомъ и намѣревался ночевать въ любимомъ своемъ селѣ *Островъ*, но на дорогѣ встрѣ-

*) „И любезно припадаетъ къ чудотворному образу Богоматери и предастъ въ рудѣ Ея градъ и люди... Приходить же и къ мошамъ Петра Чудотворца и Іоны... Митрополитъ же государя благословляетъ крестомъ животворящимъ“. (Царственная Книга).

тилъ гонца, станичника изъ Путивля *) съ вѣстію, что многіе люди Крымскіе идутъ къ Украинѣ и перешли уже Сѣверскій Донецъ; не было только извѣстно, кто ведетъ ихъ—самъ ли царь (Девлетъ-Гирей, внукъ Менгли-Гирея) или царевичъ. Іоаннъ нисколько не былъ смущенъ и обезпокоенъ этою вѣстію и ободрялъ бывшихъ съ нимъ говоря: „Мы не трогали хана; но если онъ вздумалъ поглотить христіанство, то станемъ за отечество: у насъ есть Богъ!“ 19-го числа Іоаннъ прибылъ въ Коломну, гдѣ его ожидали новыя вѣсти: **) идутъ многіе люди Крымскіе, ждутъ ихъ къ Рязани и къ Коломнѣ. По этимъ извѣстіямъ государь принялъ мѣры предосторожности: послалъ полки на берегъ, приказавъ *большому полку* ***) стать подъ Колычевымъ, ****) *передовому полку*—подъ Ростиславлемъ, *лѣвой рукою*—подъ Голутвинымъ монастыремъ. *****) Посовѣтовавшись съ Шигъ-Алеемъ, Іоаннъ отправилъ его въ Касимовъ; *****) затѣмъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, осмотрѣлъ войско на берегахъ Оки. Какъ нѣкогда при Димитріи Іоанно-

*) „Пригонилъ изъ Путивля станичникъ Ивашко отъ Айдара отъ Волжина,, Станичники составляли сторожевые отряды или станицы. Они разъѣзжали по разнымъ направленіямъ въ степи, на нашей южной украинѣ, и стояли въ опредѣленныхъ мѣстахъ (станцияхъ), наблюдая за Татарами, чтобъ „государю про проходъ воинскихъ людей быть не безвѣстну и воинскіе люди на государевы украины безвѣстно не приходили“.

**) „И тутъ пріѣхалъ Айдаръ Волжинъ... и другіе вѣстники ускоряютъ“.

***) Во время большихъ походовъ Русское войско обыкновенно дѣлилось на пять частей: большой полкъ, правая и лѣвая рука и полки передовой и сторожевой. Кромѣ того для разъѣздовъ отдѣлялся *яртоулъ* или *яртоульный полкъ* легкой передній отрядъ передоваго полка.

****) *Колычево*—село Московской губерніи Серпуховскаго уѣзда.

*****) *Голутвинъ монастырь* находится въ 5 верстахъ отъ Коломны, при самомъ впаденіи Москвы рѣки въ Оку.

*****) По свидѣтельству лѣтописца, Шигъ-Алей былъ разуменъ, но „веліе тѣло имаше и не могій скоро на конехъ ѣздить“ и не отличался храбростію. Вотъ почему Іоаннъ часто совѣтовался съ нимъ о дѣлахъ, но не употреблялъ его для ратнаго дѣла.

вичѣ Донскомѣ, во время похода противъ Мамаѣ, — и теперь, спустя почти два вѣка, на лугахъ Коломенскихъ собралось до 150,000 бодрого Русскаго войска, шедшаго противъ тѣхъ же Татаръ, только на этотъ разъ уже не оборонительно, а наступательно, постыдное иго татарское давно уже было свергнуто, но бывшіе наши поработители не хотѣли покориться силѣ вещей и превратиться изъ нашихъ господъ въ нашихъ рабовъ. Русское войско, отправлявшееся въ Казанскій походъ и находившееся подъ главнымъ начальствомъ самого вѣнценоснаго вождя, имѣло по частямъ слѣдующихъ предводителей: большимъ или главнымъ полкомъ (центромъ) предводили Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій и князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій (получившій въ это время почетный титулъ *слуги государева*); передовымъ полкомъ (*авангардомъ*) — князь Пронскій-Турунтай и князь Хилковъ; правою рукою (правымъ крыломъ) — князь Петръ Щенятевъ и юный князь Андрей Курбскій (оставившій описаніе Казанскаго похода), впоследствии столь знаменитый; лѣвою рукою (лѣвымъ крыломъ) — князь Микулинскій и Плещеевъ; сторожевымъ полкомъ (*аррьергардомъ*) — князь Василій Серебряный и Семень Шереметевъ; царскою дружиною — князь Владиміръ Воротынскій и Иванъ Шереметевъ. Къ этой дружинѣ были причислены князь Владиміръ Андреевичъ, бывшій царь Казанскій, Шигъ-Алей, и двое братьевъ Адашевыхъ. Кромѣ того въ рядахъ воинскихъ находились князья Шемякины, Проскуровы, Палецкіе и множество другихъ воеводъ. Бояринъ Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ повезъ Волгою тяжелыя огнестрѣльныя орудія и снаряды.

Окончивъ смотръ войска и выбравъ мѣсто для битвы, Іоаннъ возвратился въ Коломну и написалъ въ Москву къ царицѣ и къ митрополиту, что ждетъ хана безъ страха, надѣясь на милость Божію, на ихъ молитвы

и на мужество войска, и просилъ первосвятителя Московскаго совершать всенародныя молебствія объ одолѣніи супостатовъ. 21-го іюня явился гонецъ изъ Тулы съ вѣстью, что пришли Крымцы къ Тулѣ, предводимые, какъ видно, царевичемъ. Государь послалъ немедленно къ Тулѣ князей Щенятева, Курбскаго, Пронскаго, Хилкова, Воротынскаго, собираясь и самъ выступить на другой день утромъ, какъ вдругъ въ отдачу ночныхъ часовъ явился другой гонецъ, сообщившій, что къ Тулѣ приходило Татаръ немного — тысячъ семь, повоевали окрестности и поворотили назадъ. Іоаннъ, по этимъ вѣстямъ, отпустилъ только воеводъ, а самъ пріостановился. Но 23-го числа, когда онъ сидѣлъ за столомъ, прискакалъ гонецъ отъ Тульского намѣстника, князя Григорія Темкина, съ вѣстію, что пришелъ самъ царь и приступаетъ къ городу, съ нимъ много пушекъ и Турецкіе янычары. *) Іоаннъ велѣлъ поскорѣе служить вечерню (потому что никогда не нарушалъ церковнаго правила), принялъ благословеніе у епископа Θεодосія, **) приказалъ всѣмъ воеводамъ поскорѣе перевозиться черезъ Оку и самъ поспѣшилъ къ Каширѣ, гдѣ назначено было перевозиться. Но тутъ прискакалъ новый гонецъ и объявилъ, что хана уже нѣтъ у Тулы: 22-го іюня Крымцы пришли къ Тулѣ и дѣлали приступъ цѣлый день, били по городу изъ пушекъ огненными ядрами, и когда въ городѣ во многихъ мѣстахъ загорѣлись дворы, ханъ велѣлъ янычарамъ идти на приступъ; но воевода князь Григорій Темкинъ, несмотря на то, что съ нимъ было немного людей въ Тулѣ, отбилъ приступъ.

*) *Янычары* (leni-tscheri—новые воины)—отборное Турецкое войско, которое было составляемо преимущественно изъ христіанъ, съ малолѣтства воспитываемыхъ въ магометанствѣ. Янычары были уничтожены султаномъ Махмудомъ II, въ 1826 году.

**) „А ему приказываетъ не исходить изъ церкви, дондеже что Богъ произведетъ“.

На другой день утромъ ханъ хотѣлъ готовиться къ новому приступу, какъ пришла вѣсть, что русскій царь идетъ къ городу. Граждане Тульскіе стояли на стѣнахъ всю ночь. Съ наступленіемъ зари они увидѣли бѣгство Татаръ, а съ другой стороны, увидавъ столбы пыли, закричали: „Боже милостивый, помоги намъ! Царь православный идетъ!“ и бросились на Татаръ: изъ города вышли не только ратные люди и всѣ мужчины, но даже женщины и дѣти бросились за ними. Много Татаръ было побито въ этой вылазкѣ, и между ними шуринъ ханскій, князь Камбирдей; и весь непріятельскій огнестрѣльный снарядъ достался въ добычу Русскимъ. Ханъ побѣжалъ въ степь; а три часа спустя явились подъ городомъ воеводы, отправленные Іоанномъ: они погнались за Татарами, разбили ихъ на рѣчкѣ Шиворонѣ, *) отполонили много своихъ плѣнниковъ, взяли телѣги и верблюдовъ ханскихъ. Татары, взятые въ плѣнъ, рассказывали: царь (то есть ханъ Крымскій) потому пошелъ на Русь, что въ Крыму сказали, будто великій князь со всѣми людьми у Казани. У Рязани мы перехватили станичниковъ, которые сказали, что великій князь на Коломнѣ, ждетъ царя и хочетъ съ нимъ прямое дѣло дѣлать (то есть вступить въ рѣшительное сраженіе). Царь тогда хотѣлъ возвратиться въ Крымъ, но князья начали ему говорить: если хочешь покрыть свой стыдъ, то у великаго князя есть городъ Тула на полѣ (въ степи), далеко отъ Коломны, за великими крѣпостями—за лѣсами. Царь послушалъ ихъ совѣта и пошелъ къ Тулѣ.

Получивъ эти извѣстія, Іоаннъ возвратился въ Коломну и послалъ извѣстительныя грамоты въ Москву и въ Свіяжскъ о славномъ изгнаніи врага. Извѣщая

*) Впадаетъ въ Упу, въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губерніи.

царицу, брата и митрополита о побѣдѣ онъ послалъ въ Москву трофеи—непріятельскія пушки, верблюдовъ и плѣнниковъ, чтобы обрадовать столицу этими видимыми знаками побѣды. 1-го іюля пришли въ Коломну съ Тульского дѣла воеводы и донесли государю, что, по словамъ станичниковъ, ханъ уходитъ очень поспѣшно, дѣлая въ день по 60 и по 70 верстъ и бросая много лошадей. Избавившись такъ счастливо отъ Крымцевъ, царь началъ думать съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми воеводами, какъ идти на Казань, на какія мѣста? Рѣшили идти двумя дорогами: самому государю съ царскою дружиною, лѣвою рукою и запаснымъ полкомъ идти на Владиміръ и Муромъ, а главныхъ воеводъ отпустить на Рязань и Мещеру, чтобы они могли заслонить царя отъ внезапнаго нападенія Ногаевъ *), а сходиться всѣмъ на полѣ за Алатыремъ **), Но когда надобно было выступать въ походъ, Новгородскіе боярскіе дѣти начали бить челомъ, что имъ нельзя больше оставаться при войскѣ: съ весны они были на службѣ въ Коломнѣ, иные за Татарами ходили и на бояхъ бывали,—а теперь еще приходится идти въ такой долгій путь и стоять тамъ не малое время! Государю была большая скорбь отъ этого челобитья, останавливавшего дѣло въ самомъ началѣ. И вотъ онъ придумалъ средство, оказавшееся очень дѣйствительнымъ: онъ велѣлъ переписать служилыхъ людей и повѣстить, что кто хочетъ идти съ государемъ, тѣхъ государь хочетъ жаловать и будетъ подъ Казанью кормить; а кому нельзя идти, тѣ пусть остаются въ

*) Курбскій пишетъ: „Идохомъ отъ царя по правой руцѣ аки въ 5-ти дняхъ конемъ ѣзду; понеже мы заслонихомъ его тѣмъ войскомъ отъ Заволжскихъ (Ногайскихъ) Татаръ, да не пріидутъ отъ него безвѣстно“.

**) *Алатырь*—большая и глубокая рѣка, выходящая изъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губ. и у города Алатыря (Симбирской губ.) впадающая въ Суру съ лѣвой стороны.

Коломнѣ. Когда объ этомъ было повѣщено въ войскѣ, всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: „Готовы идти съ государемъ; онъ нашъ промышленникъ и здѣсь, и тамъ, — промыслить нами, какъ ему Богъ извѣститъ“.

3-го іюля все войско тронулось изъ Коломны. Іоаннъ съ сердечнымъ умиленіемъ молился предъ иконою Богоматери, бывшею съ Димитріемъ Донскимъ во время Мамаева побоища и стоявшею теперь въ Коломенскомъ Успенскомъ соборѣ. Вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, онъ оставилъ Коломну и 8-го іюля прибылъ во Владиміръ, гдѣ нашелъ Архангельскаго протопопа Тимоѳея, возвратившагося изъ Свіяжска съ доброю вѣстію, что цынга тамъ прекратилась. Помолившись у гроба святаго благовѣрнаго князя Александра Невского, Іоаннъ 10-го іюля выступилъ изъ Владиміра и 13-го пріѣхалъ въ Муромъ, гдѣ былъ встрѣченъ другою радостною вѣстію, что воеводы князь Микулинскій и бояринъ Данила Романовичъ ходили на Горныхъ людей и разбили ихъ, вслѣдствіе чего Горные люди по Свіягу рѣкѣ внизъ и по Волгѣ снова присягнули государю. Здѣсь же Іоаннъ получилъ извѣстіе изъ Москвы, что супруга его съ твердостію и покорностію Провидѣнію переноситъ разлуку, что духовенство и народъ непрестанно молятъ Бога о здравіи царя и воинства *). Въ Муромѣ царь-воинъ молился у мощей святаго благовѣрнаго князя Петра и княгини Февроніи. Отпустивъ впередъ себя Шигъ-Алея (вызваннаго сюда чрезъ стольника Ѳедора

*) „Будь чистъ и цѣломудренъ душею“, писалъ къ царю митрополитъ Макарій: „смирись въ славѣ и бодрствуй въ печали. Добродѣтели царя спасительны для царства“. И государь и воеводы съ любовію читали грамату митрополита. „Благодаримъ тебя — отвѣчалъ Іоаннъ первосвятителю — за пастырское ученіе, вписанное у меня въ сердце. Помогай намъ всегда наставленіемъ и молитвою. Идемъ далѣе. Да сподобитъ насъ Господь возвратиться съ миромъ для христіанъ!“

Ивановича Умного) на судахъ къ Казани съ княземъ Петромъ Булгаковымъ и стрѣльцами, а также князей Юрія Шенякина и Ѳедора Троекурова съ боярскими дѣтьми и посошными людьми, чтобъ они на рѣчкахъ и „ржавцахъ“ (болотахъ) мосты мостили, Іоаннъ 20-го іюля и самъ оставилъ Муромъ, вслѣдъ за войскомъ перѣхалъ Оку и ночевалъ въ Саканскомъ лѣсу, на рѣкѣ Вемтемѣ, въ 30 верстахъ отъ Мурома*). Царь шелъ частымъ лѣсомъ и чистымъ полемъ, и вездѣ войско находило обильную пищу: было много всякаго овощу „благовоннаго“; лоси, по словамъ лѣтописца, какъ будто сами приходили на убой („яко самозванни на заколеніе приходяху“); въ рѣкахъ множество рыбы, въ лѣсу множество птицъ. „Егда же приспѣ постъ (Успенскій), и въ ты дни—продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ—не видаху ни птицы, ни лосей.“ Черемисы и Мордва, испуганные многочисленностію Русскаго войска, приходили къ царю, отдаваясь въ его волю, и приносили хлѣбъ, медъ, мясо,—что дарили, а что продавали; кромѣ того дѣлали на рѣкахъ мосты для переправы. На рѣкѣ Сурѣ государя встрѣтили послы отъ Свіяжскихъ воеводъ и отъ Горныхъ людей и объявили, что бояре—князь Петръ

*) Перечислимъ всѣ станы (мѣста остановокъ) Іоанна отъ Мурома до Свіяжска: 1-й станъ—въ Саканскомъ лѣсу, 2-й—на Шилевшѣ, 3-й—подъ Саканскимъ городищемъ, 4-й—на полѣ близъ Ижри (Иржи), 5-й—на рѣкѣ Автѣ, 6-й—на Кіевѣ, 7-й—на озерѣ Икшѣ, 8-й—на озерѣ, не доходя рѣки Пьяны (тутъ къ государю пришелъ изъ Касимова Акъ Смитъ Черевсеевъ со всѣми Городецкими князьями и татарами), 9-й—на Озерѣ Дубровкѣ, 10-й—на рѣкѣ Медянкѣ, 11-й—на рѣкѣ Мянѣ (здѣсь было водосвятіе 1-го августа), 12-й—на рѣкѣ Алатырѣ, 13-й—на рѣкѣ Большой Сарѣ (здѣсь сошлись съ Іоанномъ Мстиславскій и Воротынскій и получили приказаніе перевозиться выше черезъ Суру), 14-й—на рѣкѣ Сурѣ подъ Баранчевымъ Городищемъ (здѣсь встрѣтили царя послы Свіяжскіе и Черемисскіе), 15-й—на рѣкѣ Каватѣ (праздникъ Преображенія Господня; здѣсь Іоаннъ слушалъ литургію и причастился Святыхъ Таинъ), 16-й—на Яклѣ, 17-й—на Чивлѣ, 18-й—на Карлѣ, 19-й—на Булѣ, 20-й—на Беѣ (по праздницѣ же Преображенія приде изъ Нижняго Новгорода протопопъ съ освященною водою къ царю), 21-й—на Итяковѣ полѣ. Прибытіе въ Свіяжскъ 13-го августа.

Ивановичъ Шуйскій и Данила Романовичъ ходили на остальныхъ Горныхъ людей, и теперь уже всѣ безъ исключенія Горные люди добились челомъ и приложились къ Свѣяжскому городу. Іоаннъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ Горныхъ людей, обласкалъ ихъ и объявилъ, что прощаетъ ихъ народу прежнюю измѣну, и приказалъ мостить мосты по рѣкамъ и чистить тѣсныя мѣста по дорогамъ. За Сурою государь соединился съ воеводами, шедшими черезъ Рязань и Мещеру. Войско русское встрѣчало на пути своемъ прекрасныя картины природы: съ одной стороны глазамъ открывались зеленныя равнины, холмы, рощи, темныя лѣса, съ другой—величественная Волга съ дикими утесами, съ живописными островами, за нею—необозримые луга и дубравы. Изрѣдка въ крутизнахъ и ущельяхъ показывались Чувашскія селенія. Жители доставляли хлѣбъ и медъ; питьемъ служила чистая вода. И никто не жаловался: трезвость и бодрость господствовали въ станѣ. „Хлѣба сухаго найдомся со мною сладостію и благодареніемъ... Черемисскій хлѣбъ сладостнѣе калачей обрѣтется: за неже подвизахомся за отечество“ (Курбскій). Наконецъ 13-го августа войско Русское прибыло въ Свѣяжскъ. Духовенство съ крестами и иконами, князь Петръ Шуйскій и бояринъ Заболоцкій встрѣтили Іоанна во вратахъ крѣпости. Онъ пошелъ въ соборную церковь, гдѣ діаконы провозгласили ему многолѣтіе, а бояре поздравляли его какъ завоевателя и просвѣтителя земли Свѣяжской. Осмотрѣвъ крѣпость, государь изъявилъ благодарность князю Семену Микулинскому и другимъ начальникамъ. Для него изготовили домъ; но онъ не вошелъ въ него, сказавъ: „мы въ походѣ“, сѣлъ на коня, выѣхалъ изъ города и сталъ въ шатрахъ на лугу Свѣяги.

Воеводы пришли въ Свѣяжскъ какъ *въ свой домъ* изъ долгаго и труднаго пути: здѣсь почти cadaго изъ нихъ

ожидали домашніе запасы, привезенные на судахъ. Кромѣ того сюда наѣхало множество купцовъ изъ Москвы, Ярославля, Нижняго, съ разными товарами, такъ что можно было все достать.

Ставъ подъ городомъ на лугу въ шатрѣ, царь Іоаннъ Васильевичъ началъ совѣтоваться съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ царемъ Шигъ-Алеемъ, съ боярами и воеводами, какъ ему своимъ дѣломъ промыслять. На совѣтѣ было рѣшено идти къ Казани не мѣшкая, а къ Казанцамъ послать грамоты, что если они захотятъ безъ кровопролитія бить челомъ государю, то государь смилуется надъ ними. Шигъ-Алею поручено было написать къ родственнику его, новому Казанскому царю Едигеру, чтобы онъ выѣхалъ изъ города къ государю, не опасаясь ничего, и государь его пожалуетъ. Самъ Іоаннъ послалъ грамоты къ главному муллѣ (Куръ-Шерифмолкѣ—начальному духовному лицу у магометанъ) и ко всей землѣ Казанской, „чтобъ не стояли за тѣхъ, кто началъ лихое дѣло и землю возвратилъ, и били ему, государю, челомъ,“ и онъ ихъ простить. Эти грамоты были посланы 15-го августа; а на слѣдующій день войско уже начало перевозиться черезъ Волгу и становиться на Казанской сторонѣ 18-го августа самъ царь переправился за Волгу. Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Гостиный островъ, а бояринъ Михайлъ Яковлевичъ Морозовъ повезъ огнестрѣльный снарядъ, рубленыя башки и тарасы (или тараны)—осадныя машины. Нѣсколько дней шли дожди: рѣки выливались изъ береговъ, низкіе луга обратились въ болота, Казанцы испортили всѣ мосты и гати. Приходилось вновь устраивать дорогу. Къ 20-му августа все было готово, и Іоаннъ переправился за Казанку. Здѣсь онъ получилъ отвѣтъ отъ Едигера: въ немъ заключалось ругательство на христіанство, на Іоанна, на Шигъ-Алея и вызовъ на брань.

Казанцы не захотѣли мира, — приходилось прибѣгнуть къ оружію. Іоаннъ велѣлъ вынимать изъ судовъ пушки и устроить все, необходимое для начатія осады города. Русское войско стояло въ 6-ти верстахъ отъ Казани на гладкихъ веселыхъ лугахъ, разстилавшихся *подобно зеленому сукну* между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость. Два дня выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани перебѣжчикъ Камай-Мурза съ семьёю казаками и рассказалъ, что ихъ поѣхало человекъ съ 200 служить государю, но Казанцы, узнавъ объ этомъ, почти всѣхъ перехватили. Про Казань рассказывалъ, что царь Едигеръ, мурзы и муллы (магометанскіе священники) бить челомъ государю не хотятъ и всю землю на лихо наводятъ, возбуждая во всѣхъ злобу противъ христіанъ; что съѣстныхъ и военныхъ запасовъ въ городѣ много; что остальное войско, которое не въ городѣ, собрано подъ начальствомъ князя Япанчи въ Арской засѣкѣ, *) чтобы не пропускать Русскихъ людей на Арское поле и тревожить ихъ постоянными нападеніями.

Царь созвалъ совѣтъ, передалъ рѣчи Камая и рассуждалъ, какъ идти къ городу? Рѣшено было: самому государю и князю Владиміру Андреевичу стать на Царевомъ лугу, царю Шигъ-Алею за Булакомъ у кладбища; на Арскомъ полѣ стать большому полку, передовому и удѣльной дружинѣ князя Владиміра Андреевича, правой рукѣ съ казаками за Казанкою, сторожевому полку на устьѣ Булака, а лѣвой рукѣ выше его. Приказано было, чтобы во всей рати каждый воинъ приготовилъ по бревну на тынъ и каждый десятокъ воиновъ — по туру. **) Отданъ былъ также строжайшій

*) Засѣка — наскоро сооруженная крѣпость.

**) Туры — большія и высокія корзины, плетенныя изъ прутьевъ; наполненные землею и поставленные рядомъ, туры представляли хорошую защиту отъ стрѣлы и пуль.

приказъ, чтобы безъ царскаго повелѣнія, а въ полкахъ безъ воеводскаго повелѣнія никто не смѣлъ „травиться,“ то есть бросаться къ городу. 23-го августа на разсвѣтѣ полки заняли назначенныя имъ мѣста. Царь вышелъ на лугъ противъ города и велѣлъ развернуть свое знамя: на знамени былъ Нерукотворенный образъ Спасовъ, а на верху крестъ, который былъ у великаго князя Димитрія на Дону. Когда отслужили молебенъ, царь подозвалъ къ себѣ князя Владиміра Андреевича, бояръ, воеводъ, ратныхъ людей своего полка и обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

„Приспѣло время нашему подвигу: потщитесь еди-нодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за православную вѣру христіанскую, за единородную нашу братію, православныхъ христіанъ, терпящихъ долгій плѣнъ, страдающихъ отъ этихъ безбожныхъ Казанцевъ; вспомнимъ слово Христово, что нѣтъ ничего больше, какъ полагать души за други своя. Припадемъ чистыми сердцами къ Создателю нашему Христу, попросимъ у Него избавленія бѣднымъ христіанамъ, да не предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ. Не пощадите головъ своихъ за благочестіе: если умремъ, то не смерть это, а жизнь; если не теперь умремъ, то умремъ же послѣ,—а отъ этихъ безбожныхъ какъ впередъ избавимся? Я съ вами самъ пришелъ: лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ, мучимыхъ отъ безбожныхъ Казанцевъ! Если милосердый Богъ пошлетъ намъ Свою милость, подастъ помощь, то я радъ васъ жаловать великимъ жалованьемъ. А кому случится до смерти пострадать, радъ я женъ и дѣтей ихъ вѣчно жаловать“.

Князь Владиміръ Андреевичъ отвѣчалъ отъ лица всего войска:

„Видимъ тебя, государь, тверда въ истинномъ законѣ, за православіе себя не щадящаго и насъ на то утверждающаго, и потому должны мы всѣ единодушно помереть съ безбожными этими агарянами. Дерзай, царь, на дѣла, за которыми пришелъ! Да сбудется на тебѣ Христово слово: всякъ просай пріемлетъ и толкущему отверзется“.

Вслѣдъ затѣмъ духовникъ царскій, протопопъ Андрей, благословилъ крестомъ Іоанна и все войско. Царь сѣлъ на богато украшеннаго аргамака, взглянулъ на образъ Спасителя, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ громкимъ голосомъ, чтобы всѣ слышали: „Владыко, о Твоемъ имени движемся!“—и съ этими словами двинулся съ войскомъ къ городу.

VII.

Осада Казани.

23 августа—2 октября 1552 года.

Достопамятная осада Казани была *первымъ* правильнымъ опытомъ Русскихъ въ искусствѣ брать города, и защитники Казани проявили необыкновенное мужество, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣда была куплена Русскими весьма дорогою цѣною. Вотъ почему осада и взятіе Казани, вмѣстѣ съ Мамаевымъ побоищемъ, живетъ и до сихъ поръ въ памяти народа какъ славнѣйшій подвигъ древности, какъ подвигъ вдобавокъ къ тому благочестиво-христіанскій, которымъ тысячи христіанъ были избавлены отъ злыхъ мучителей—*бусурманъ*.

Для болѣе яснаго пониманія читателями хода осады Казани считаемъ необходимымъ познакомить ихъ съ мѣ-

стоположеніемъ этого города. Казань была сильною крѣпостію, защищенной самою природою. Участникъ осады Казани, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, описываетъ мѣстоположеніе ея слѣдующимъ образомъ: „Градъ Казань въ великой крѣпости лежитъ: съ востоку отъ него идетъ Казань рѣка, а съ западу Булакъ рѣчка, зѣло тиновата и непроходима подъ самый градъ течетъ и впадаетъ подъ угольную вежу (башню) въ Казань (Казанку) рѣку; а течетъ изъ озера, Кабана глаголе-маго, немалаго, которое озеро кончится аки полверсты отъ града; и лишь только переправиться тую нужную рѣчку, тогда между озеромъ и градомъ лежитъ съ Арскаго поля гора зѣло прикрая (высокая крутая) и ко восхожденію нужная (трудная). А отъ тое рѣки, около града ровъ копанъ, зѣло глубокій, ажъ до езерка, реченнаго Поганаго, еже лежитъ подлѣ самую Казань рѣку; а отъ Казани рѣки гора такъ высока, яко окомъ воззрити прикро (трудно): на ней же градъ стоитъ и палаты царскія и мечети зѣло высокія, мурованныя (каменные), идѣже ихъ умершіе царіе клались; числомъ, памятамися (помнится мнѣ), пять ихъ“ *).

За высокими и крѣпкими стѣнами**) съ боевыми башнями, окружавшими Казань и окруженными въ свою очередь широкимъ и очень глубокимъ рвомъ, скрывалось 30,000 отборнаго войска и 2,700 Ногаевъ. Осаждающее войско простиралось до 150,000 человекъ. Главную силу его составляли стрѣльцы—постоянное пѣшее войско, учрежденное впервые царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Стрѣльцы были вооружены

*) Сказанія князя Курбскаго. Изданіе 7-е Н. Устрялова (Спб. 1868 г.). „Исторія Князя Великаго Московскаго“, глава II, стр. 16—17.

**) Стѣны Казани были не каменные, а деревянные: ихъ составляли два ряда огромныхъ дубовыхъ столбовъ, между которыми была насыпана и плотно убита земля со щебнемъ.

ружьями и бердышами, или сѣкирами. При Русскомъ войскѣ было 150 пушекъ *).

Все предвѣщало, что оборона будетъ очень упорная. Когда Русское войско подступало къ Казани, тамъ все казалось тихо и пусто: незамѣтно было никакого движенія, не видно было людей на стѣнахъ. Многіе изъ нашихъ радовались, думая, что царь Казанскій отъ страха бѣжалъ съ войскомъ въ лѣса; но опытные, бывалые воеводы совѣтовали не вдаваться въ обманъ и имѣть тѣмъ большую осторожность. Русскіе обступали Казань. 7.000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ перешли по наведенному мосту тинистый Булакъ, и видя предъ собою (не болѣе, какъ въ 200 саженьяхъ) царскія палаты и каменные мечети, лѣзли на высоту, чтобы пройти мимо крѣпости къ Арскому полю, какъ вдругъ раздался шумъ и крикъ: отворились со скрипомъ ворота, и 15,000 Татаръ конныхъ и пѣшихъ ударили на стрѣльцовъ, разстроили и сломили ихъ. Князя Шемякинъ и Троекуровъ удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. На помощь къ нашимъ послано было воеводами нѣсколько боярскихъ дѣтей. Началась горячая схватка. Русскіе, не имѣя конницы, стояли грудью, изъ оборонительнаго положенія перешли въ наступательное, бросились на непріятеля, смяли его и гнали до самыхъ городскихъ стѣнъ, не смотря на сильную пальбу изъ города; взяли плѣнниковъ и медленно отступили, въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, издали любовались этимъ первымъ славнымъ дѣломъ. При этомъ особеннаго удивленія заслу-

*) „Тогда привлекоша великія дѣла (пушки)... всѣхъ было аки полтораста и великихъ и среднихъ... а и мнѣйше было по полторы сажени; окромѣ того были польныя (не осадныя пушки, полевые) многія, около царскихъ шатровъ“ (Курбскій—тамъ же). Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приводятся названія главныхъ пушекъ: *Конца, Ушатая, Змѣй Сверстной, Змѣя Летучая.*

живалъ небывалый порядокъ: во исполненіе царскаго приказанія, бились (и теперь, и послѣ) только тѣ, кому было приказано; изъ другихъ полковъ никто не смѣлъ двинуться. Когда всѣ полки заняли назначенныя имъ мѣста, разставлены были шатры и поставлены три полотняныя церкви: во имя Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и Преподобнаго Сергія Радонежскаго. Ночь прошла спокойно. Но на другой день царю и войску Русскому пришлось выдержать сильное, неожиданное испытаніе: страшная буря сломила шатры, и въ томъ числѣ царскій шатеръ, на Волгѣ разбило много судовъ, погибло много запасовъ. Войско упало духомъ; думали, что всему конецъ, что осады не будетъ, что мы, не имѣя хлѣба, должны будемъ удалиться со стыдомъ. Но не унывалъ царь: онъ послалъ въ Свияжскъ и въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, объявляя твердое намѣреніе зимовать подъ Казанью, если это окажется нужнымъ; ѣздилъ днемъ и ночью кругомъ города, разсматривая мѣста, гдѣ удобнѣе дѣлать укрѣпленія. Осадныя работы шли безостановочно: ставили туры, снабжали ихъ пушками; гдѣ нельзя было ставить туровъ, тамъ ставили тынъ, такъ что Казань со всѣхъ сторонъ была окружена Русскими укрѣпленіями, — ни въ городъ, ни изъ города не могла пройти вѣсть. Казанцы постоянно дѣлали вылазки, бились отчаянно съ защитниками туровъ; бились, схватываясь за руки, но были постоянно втаптываемы въ городъ. И въ этихъ схваткахъ, по замѣчанію лѣтописца, всегда падало больше басурманъ, нежели Русскихъ, въ чемъ послѣдніе видѣли особенный знакъ милости Божіей и получали новое подкрѣпленіе для своего мужества.

25-го августа легкая дружина князей Шемякина и Троекурова двинулась съ Арскаго поля къ рѣкѣ Ка-

занкъ, выше города, чтобы отрѣзать его отъ Луговой Черемисы, соединиться съ правою рукою и стать ближе къ стѣнѣ.

Казанцы сдѣлали вылазку. Князь Шемякинъ былъ раненъ; но князь Димитрій Хилковъ, главный предводитель отрядовъ, помогъ ему съ дѣтьми боярскими втоптать непріятеля въ крѣпость. Ночью сторожевой полкъ и лѣвая рука безъ боя и сопротивленія разставили туры и пушки. Стрѣльцы окопались рвомъ; а казаки, подъ самой городской стѣною, засѣли въ каменной, такъ называемой Даировой банѣ. Засѣвъ здѣсь, стрѣльцы и казаки не давали Казанцамъ всходить на стѣны, снимая ихъ оттуда мѣткими выстрѣлами.—26-го августа большой полкъ выступилъ передъ вечеромъ изъ стана: князь Воротынскій шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; князь Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Государь далъ имъ отборныхъ дѣтей боярскихъ изъ собственной дружины. Казанцы ударили на нихъ съ дикимъ воплемъ; а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и пули. Въ дыму и въ огнѣ Русскіе отражали Казанцевъ ружейною стрѣльбою, копьями и мечами, хладнокровно шли впередъ, втѣснили Татаръ въ огородъ и наполнили непріятельскими тѣлами мосты. Казаки стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время князю Воротынскому утвердить и насыпать землею туры въ 50-ти саженьяхъ ото рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ имъ отступить къ турамъ и закопаться, скрыться подъ ними. Но темнота не прекратила битвы: Казанцы до самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Отдыха никому не было: ни воины, ни воеводы не смыкали глазъ. Іоаннъ молился въ церкви и еже часно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять сражающихся. Наконецъ непріятель утомился, и

восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду Русскихъ. Государь велѣлъ пѣть въ станѣ благодарственные молебны. *)—27-го августа бояринъ Морозовъ, прикативъ къ турамъ стѣнобитный снарядъ, открылъ сильную пальбу со всѣхъ нашихъ бойницъ (батарей); а пищальники стрѣляли въ городъ изъ окоповъ. Казанцы скрывались за стѣнами; но, желая провѣдать о положеніи дѣлъ въ нашемъ войскѣ (добыть языка) напали на Русскихъ воиновъ, разсѣянныхъ въ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ князь Мстиславскій съ частью большого полка. Мстиславскій подоспѣлъ на выручку къ своимъ, обратилъ въ бѣгство непріятеля и взялъ въ плѣнъ знатнаго улана Карамыша, который былъ представленъ государю. Плѣнникъ сообщилъ, что Казанцы готовы умереть и не хотятъ слышать о мирныхъ переговорахъ.

Но скоро вниманіе осаждающихъ было развлечено: 28-го августа изъ лѣса на Арское поле высыпалъ непріятель многочисленными толпами, напалъ на Русскіе полки и хотя былъ отраженъ съ урономъ, однако не меньшій уронъ былъ и на сторонѣ осаждающихъ. Отъ плѣнниковъ узнали, что это приходилъ князь Япанча изъ своей засѣчки (о которой говорилъ прежде Камай-Мурза). Послѣ этого Япанча не давалъ покоя Русскимъ своими частыми и неожиданными нападеніями, *напздами*: появится на самой высокой городской башнѣ большое магометанское знамя, и вотъ Япанча, по этому условному знаку, нападаетъ на Русскихъ изъ лѣсу, а Казанцы изо всѣхъ воротъ бросаются на ихъ укрѣпленія, и начиналась лютая сѣча. Войско наше истомилось отъ безпрестанныхъ вылазокъ, отъ поѣз-

*) Казанцы лишились въ этомъ дѣлѣ многихъ храбрыхъ людей, между прочимъ, князя Ислама Нарыкова, богатыря Сюнчелея и другихъ. Въ числѣ убитыхъ со стороны Русскихъ находился добрый витязь Леонтій Шущеринъ.

довъ изъ лѣсу и отъ скудости въ пищу: съѣстные припасы вздоржали; но и сухаго хлѣба ратникамъ было некогда поѣсть досыта; кромѣ того, почти всѣ ночи приходилось проводить безъ сна, охраняя пушки, жизнь и честь свою. Наконецъ царь на совѣтѣ съ воеводами порѣшилъ отрядить большую силу, чтобы покончить съ Япанчею. Воеводою надъ этимъ отрядомъ былъ назначенъ князь Горбатый—Шуйскій, („мужъ зѣло разумный и почтенный и въ военныхъ вещахъ свидѣтельствованный.“ Онъ искусно повелъ дѣло и привелъ его къ желанному концу. Имѣя 30,000 конныхъ, 15,000 пѣшихъ воиновъ, князь Горбатовъ-Шуйскій расположился за горами, чтобы скрыть свои движенія отъ непріятеля, и послалъ отряды къ Арскому лѣсу—завязать битву съ непріателемъ. Япанча съ своими наѣздниками бросился на Русскихъ. Послѣдніе начали отступать къ своимъ укрѣпленіямъ. Татары подумали, что Русскіе бѣгутъ, погнались за ними, втиснули въ обозъ и пускали стрѣлы дождемъ; а другія толпы, конныя и пѣшія, шли медленно, въ боевомъ порядкѣ, прямо на станъ главнаго Русскаго войска. Тогда князь Юрій Шемякинъ съ полкомъ своимъ, готовымъ къ бою, бросился на Татаръ изъ засады. Татары были поражены такою неожиданностью, однако, находясь уже далеко отъ лѣса, должны были принять битву. Скоро явился и самъ Горбатовъ-Шуйскій съ многочисленнымъ коннымъ отрядомъ; а пѣхота наша заходила въ тылъ непріятелю съ правой и лѣвой стороны. Татары обратились въ дикое бѣгство: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ 15-ти верстъ, до рѣки Килары, гдѣ главный виновникъ побѣды, князь Горбатовъ-Шуйскій, остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути Русскіе очистили лѣсъ, въ которомъ скры-

вались бѣглецы, и взяли нѣсколько сотъ плѣнниковъ. Однимъ словомъ, грозный Япанча былъ совершенно истребленъ. Государь обнялъ вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровью, хвалилъ ихъ умъ и доблесть, благодарилъ и всѣхъ воиновъ. Затѣмъ онъ велѣлъ всѣхъ плѣнныхъ Татаръ (числомъ 340 человекъ) привязать къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чтобы они уговаривали Казанцевъ сдаться. Въ то же время Русскіе ѣздили около города и обѣщали отъ имени царя жизнь и свободу и всѣмъ этимъ узникамъ и самимъ осажденнымъ, если они добровольно сдадутся. Выслушавъ молча это предложеніе, Казанцы пустили градъ стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ согражданъ, закричавъ имъ: „Лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!“ Упорство Казанцевъ привело царя въ ярость: онъ велѣлъ всѣхъ плѣнниковъ перебить предъ городомъ.

Хотя царь видимо и рассчитывалъ на долгую осаду, но всетаки изыскивалъ всякіе способы ускорить взятіе города. И вотъ 31-го августа онъ призвалъ „Нѣмчина *размысла* навычнаго градскому разоренію“ (то есть, инженера, искуснаго въ разореніи городовъ), и велѣлъ ему сдѣлать подкопъ подъ Казань отъ рѣки Булака между Аталлковыми и Тюменскими воротами. Потомъ призвалъ Камаи-Мурзу и Русскихъ плѣнныхъ, выбѣжавшихъ изъ Казани, и спросили у нихъ, откуда Казанцы берутъ воду. „Сказали, что есть у Казанцевъ тайникъ (подземный ключъ) въ берегу рѣки Казанки, у Мараливыхъ воротъ (теперь „Тайныя“ ворота); а ходятъ къ нему подземнымъ путемъ. Царь сперва приказалъ воеводамъ сторожеваго полка, князю Василю Серебряному и Семену Шереметеву, уничтожить тайникъ; но воеводы отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя, а можно подкопаться

подъ тайникъ отъ каменной Даировой бани, занятой уже Русскими казаками. Царь послалъ для этого Алексѣя Адашева и размысла; но послѣднему велѣлъ для подкапыванія тайника отрядить учениковъ, а самому надзирать за большимъ подкопомъ подъ городъ. День и ночь работали надъ подкопомъ подъ тайникъ цѣлые пять дней, наконецъ подкопались подъ мостъ, куда ходили Казанцы за водою; самъ князь Серебряный съ товарищами вошелъ въ подкопъ и, услыхавъ надъ собою голоса людей, ѣдущихъ съ водою, далъ знать государю. Царь велѣлъ поставить подъ тайникъ 11 бочекъ пороху (зелія), и 4-го сентября тайникъ взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ Казанцами, шедшими за водой; поднялась на воздухъ часть стѣны, и множество Казанцевъ въ городѣ было побито камнями и бревнами, падавшими съ огромной высоты. Казанцы обмерли отъ ужаса. Русскіе отряды стремительно кинулись въ проломъ. Многіе особенно рьяные удалцы ворвались въ городъ съ громкимъ крикомъ, „какъ львы рыкали (по словамъ лѣтописи), свирѣпо безбожныхъ Татаръ убивали и множество ихъ положили.“ Но Казанцы очнулись отъ страха и отразили Русскихъ. Царь на этотъ разъ удержалъ войско отъ новаго приступа. Въ городѣ распространилось уныніе. Многіе думали, что дольше защищаться нельзя. Но болѣе упорные взяли верхъ, стали копать землю въ разныхъ мѣстахъ и дорылись до новаго ключа. Вода въ немъ была смрадная и вредная: иные болѣли отъ нея, пухли; другіе воздерживались, насколько могли, отъ питья, терпѣли жажду, но молчали и сражались. *)

*) Вода въ Казани и теперь вообще дурнаго качества, такъ что, не смотря на кажущееся обиліе ея, для жителей города до сихъ поръ единственнымъ резервуаромъ служить озеро *Нижній-Кабанъ*; да и въ немъ вода такъ дурна, что даже простымъ глазомъ можно видѣть плавающихъ насѣкомыхъ: она бываетъ чиста только зимою.

6-го сентября былъ взятъ съ большимъ кровопролитіемъ острогъ (укрѣпленіе), построенный Казанцами въ 15-ти верстахъ отъ города на Арскомъ полѣ, на горѣ, между болотами, гдѣ соединились остатки разгромленнаго войска наѣздника Япанчи. Во главѣ отряда шелъ князь Семень Микулинскій; съ нимъ были бояре Данила Романовичъ и Захарій Яковлевъ, князья Булгаковъ и Палецкій, головы царской дружины, дѣти боярскіе, стрѣльцы, атаманы съ казаками, Темниковская Мордва и Горные Черемисы, служившіе проводниками. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней и вслѣдъ за неустрашимыми вождями, чрезъ болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ. Тѣла непріятелей лежали кучами. Взявъ острогъ, воеводы пошли къ Арскому городищу, воюя и пожигая села. Отъ Арскаго городища они возвратились къ Казани другою дорогою, повоевали всю Арскую сторону, *) многихъ людей побили, женъ и дѣтей въ плѣнъ взяли, а христіанъ многихъ изъ плѣна освободили. Воевали они на 150 верстъ поперекъ, а въ длину до самой Камы; выжгли села и пригнали къ Казани въ полки множество скота, такъ что корову можно было теперь купить за 10, а вола за 20 денегъ. Царь и войско были въ большой радости.

Однако опасности въ окрестностяхъ Казани еще не прекратились для русскихъ. Если Арскій лѣсъ не

*) Арская сторона лежала на сѣверъ отъ Казани, на границѣ нынѣшней Вятской губерніи. Въ ней жили *Ари* или *Арина*, принадлежавшіе къ общему племени Вотяковъ, которые переселились сюда съ береговъ Еввсейя вмѣстѣ съ Монголами около половины XIII вѣка. Главнымъ городомъ Арской стороны былъ *Арскъ*, существующій и до сихъ поръ, въ 63 верстахъ отъ своего губернскаго города Казани.

бросалъ уже въ нихъ стрѣль, зато Луговые Черемисы отгоняли наши табуны и тревожили нашъ лагерь со стороны Галицкой дороги. Стоявшіе тутъ воеводы правой руки ходили на нихъ и побили ихъ наголову; но опасность новыхъ нападеній, заставляя этотъ полкъ быть постоянно насторожѣ, утомляла его; сверхъ того занимая низкія равнины вдоль Казанки, онъ болѣе всѣхъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости, отъ ненастья и отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ это время года, между тѣмъ суевѣріе приписывало ихъ чародѣйству. Въ тѣ времена даже и болѣе образованные люди вѣрили въ силу волшебства или чародѣйства. Князь Курбскій говоритъ, что на городскія стѣны, при восходѣ солнца, выходили какіе-то старцы и бабы и въ виду Русскаго войска творили разныя чары: „а воили сатанинскія слова, махали своими одеждами на Русское войско и неблагочинно вертѣлись,“—и тогда вдругъ поднимался сильный вѣтеръ, собирались тучи, хотя раньше небо было совершенно ясно, лилъ дождь ливня, и земля на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли Русскіе, обращалась въ болото. Царю посовѣтовали привезти изъ Москвы крестъ съ частицею Животворящаго Древа. Когда былъ привезенъ этотъ крестъ и стали совершать съ нимъ молебствія и крестные ходы, то сила „поганныхъ чаръ,“ по словамъ Курбскаго, прекратилась.—По словамъ лѣтописца, были и для Русскихъ добрыя предзнаменованія, предвѣщавшія успѣхъ. Набожные люди видѣли вѣщіе сны: одинъ видѣлъ, какъ святые Апостолы благословляли Казань, гдѣ должно было водвориться православіе; другому св. Николай Чудотворецъ повелѣлъ возвѣстить царю, что Казань будетъ взята. Замѣченъ былъ нѣкоторыми какой-то чудный свѣтъ надъ городомъ, поднимавшійся столбами. *)

*) См. въ концѣ *Приложеніе*.

Между тѣмъ осадныя работы продолжались. Дьякъ Иванъ Выродковъ поставилъ противъ Царевыхъ воротъ башню въ 6 сажень вышиною, построенную тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ; внесли на нее много наряду, пищали полоторныя и *затинныя* (небольшихъ размѣровъ пушки). Стрѣльцы начали стрѣлять съ башни въ городъ и побивали много народу. Осажденные укрывались въ ямахъ, копали рвы подъ городскими воротами, подъ стѣнами и рыли норы подъ тарасами: у всякихъ воротъ за рвами были у нихъ большіе тарасы, насыпанные землею. Выползая изъ норъ, какъ змѣи, они бились безпрестанно, день и ночь, съ осаждающими. Особенно жестоко бились они, не давая придвигать туровъ ко рву. Тѣмъ не менѣе однако князь Михаилъ Воротынскій успѣлъ придвинуть туры къ самому рву, противъ Арской башни и Царевыхъ воротъ, такъ что между городскими стѣнами и Русскими турами оставался одинъ ровъ, въ 3 сажени шириною и въ 7 глубиною. Придвинувъ туры ко рву осаждающіе разошлись обѣдать, оставивъ подлѣ укрѣпленій немногихъ людей. Увидавъ эту оплошность, Казанцы вылѣзли изъ всѣхъ норъ и изъ-за тарасовъ и неожиданно напали на туры. Защитники ихъ дрогнули и побѣжали. Но воеводы успѣли выстроить полки и ударили на Казанцевъ, которые были сбиты во рвы. Русскіе били ихъ и тутъ, но они поражи убѣгали въ городъ. Это дѣло было однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ; и хотя туры были скасены, однако это спасеніе дорого стоило осаждающимъ, потерявшимъ много убитыми и ранеными. Самъ князь Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ и спасся отъ смерти, только благодаря крѣпости своего доспѣха. Въ то время какъ ожесточенный бой кипѣлъ противъ Арской башни, Ногаи и Казанцы сдѣлали вылазку изъ Збойлевыхъ воротъ на туры передо-

ваго полка и яртоула. Здѣсь воеводы были готовы, подпустили непріятеля къ турамъ, ударили на него со всѣхъ сторонъ и поразили безо всякаго для себя урона.

Уже около пяти недѣль стояли Русскіе подъ Казанью, убивъ во время вылазокъ и въ городѣ не мѣнѣе 10,000 непріятелей, — а осада грозила еще кончиться не скоро. Наступающая осень пугала всѣхъ болѣе, нежели трудности осады, — всѣ желали скорѣйшаго конца. Видя, что Русскій огонь не причиняетъ большаго вреда осажденнымъ, скрывающимся за тарасами, царь велѣлъ подкопать эти тарасы, и какъ только ихъ взорветъ, придвинуть туры къ самымъ воротамъ, Арскимъ и Царевымъ. 30-го сентября тарасы взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ съ людьми; бревна побили множество народа въ городѣ, остальные обезпамятѣли отъ ужаса и долго оставались въ бездѣйствіи: стрѣлы перестали летать изъ Казани. Пользуясь этимъ временемъ, воеводы утвердили туры подлѣ воротъ Царевыхъ, Арскихъ и Аталыковыхъ. Наконецъ Казанцы опомнились, выскочили изъ всѣхъ воротъ и съ ожесточеніемъ напали на Русскихъ. Въ это время Іоаннъ самъ показался у города: увидавъ его, Русскіе съ новымъ, удвоеннымъ рвеніемъ ударили на непріятеля, схватились съ нимъ въ воротахъ, на мостахъ, у стѣнъ, бились копьями и саблями, схватывались за руки. Дымъ отъ пушечной и пищальной пальбы покрылъ городъ и сражающихся. Наконецъ осаждающіе одолѣли, взобрались на стѣны, заняли Арскую башню, втѣснились въ самый городъ. Князь Михайлъ Воротынскій послалъ сказать Іоанну, что надобно пользоваться удачею и вести общій приступъ. Но остальные полки не были приготовлены къ этому дню, — и, по царскому приказанію, войновъ вывели насильно изъ города. Стѣны, ворота и мосты были зажжены, а въ Арской башнѣ

утвердились Русскіе люди. Мосты и стѣны горѣли цѣлую ночь, изъ стѣнъ сыпалась земля. Русскіе воеводы велѣли своимъ ратникамъ на занятыхъ мѣстахъ заставиться крѣпкими щитами, а туры засыпать землею. Татары также работали: ставили противъ пробитыхъ мѣстъ срубы и насыпали ихъ землею.

На другой день, 1-го октября, царь велѣлъ наполнить рвы лѣсомъ и землею, устроить мосты и бить изъ пушекъ безпрестанно: били весь день и сбили до основанія городскую стѣну. Общій приступъ назначенъ былъ въ слѣдующій день, въ воскресенье, 2-го октября. Во всѣхъ полкахъ ратнымъ людямъ велѣно было очистить душу (исповѣдаться и причаститься) накануне роковаго дня. Но прежде рѣшительнаго приступа царь хотѣлъ въ послѣдній разъ испытать дѣйствіе мирныхъ переговоровъ: къ городу былъ отправленъ Мурза-Камай съ предложеніемъ, чтобы Казанцы били челомъ государю; если они отдадутся въ его волю и выдадутъ измѣнниковъ, то государь проститъ ихъ. Предложеніе было отвергнуто, Осажденные въ одинъ голосъ отвѣчали: „Не бьемъ челомъ! На стѣнахъ Русь, на башнѣ Русь—ничего: мы другую стѣну поставимъ, и всѣ помремъ или отсидимся!“ И такъ Казанцы сами рѣшили свою участь. Услышавъ ихъ ожесточенно-отчаянный отвѣтъ Іоаннъ, произнесъ: „Премилосердый Боже! Ты видишь мое сердце, что я посылалъ къ нимъ съ предложеніемъ мира; они отвергли его и предпочли кровопролитіе. А потому да будетъ эта кровь на нихъ и на дѣтяхъ ихъ!“ Рѣшено было взорвать подкопы и всѣми силами ударить на городъ въ три часа слѣдующаго утра. По дорогамъ царь велѣлъ также разставить полки, чтобы не пропускать Казанцевъ, если они вздумаютъ бѣжать изъ города.

VIII.

Приступъ и взятіе Казани.

2-го октября 1552 года.

Въ ночь съ субботы на воскресенье шли приготовленія. Изъ города видѣли необычайное движеніе въ Русскомъ станѣ, поняли, въ чемъ дѣло, и тоже готовились къ послѣднему смертному бою.

Занялась заря. Небо было ясное, чистое. Казанцы, готовые къ бою, стояли на стѣнахъ, Русскіе—въ своихъ укрѣпленіяхъ. Ни съ той, ни съ другой стороны не стрѣляли. Время отъ времени только звучали то тамъ, то сямъ трубы и бубны,—и снова наступала полная тишина. То была тишина томительная, зловѣщая, словно затишье предъ грозой... Царь передъ разсвѣтомъ бесѣдовалъ наединѣ со своимъ духовникомъ, затѣмъ сталъ вооружаться, надѣвать свой юшмакъ (доспѣхъ), какъ вдругъ ему почудился колокольный звонъ изъ Казани. „Слышу—сказалъ царь своимъ приближеннымъ—звонъ какъ будто Симонова монастыря!“ Это было принято за доброе предзнаменованіе. Царь пошелъ къ заутрени въ свою походную церковь. Князь Воротынскій увѣдомилъ его, что размыслъ все уже приготовилъ, 48 бочекъ пороху подъ городъ подведено, и мѣшкать болѣе нельзя ни минуты, потому что изъ города замѣтили приготовленія: Царь послалъ возвѣстить по всѣмъ полкамъ, чтобы всѣ изготвились къ бою, отпустилъ отъ себя всѣхъ воеводъ по ихъ мѣстамъ, велѣлъ своему полку ждать себя въ урочномъ мѣстѣ, а самъ началъ молиться со слезами: „Владыко Христе! помилуй рабовъ Твоихъ. Се пришло

время Твоей милости; се время—подай крѣпость на сопротивныхъ рабомъ Твоимъ, освободи сирыхъ и плѣнныхъ! Пошли свою древнюю милость свыше, да разумѣютъ поганые, что Ты—Богъ нашъ, что на Тебя уповая побѣждаемъ! И Ты, о пречистая Владычице и Богородице, буди помощница мнѣ и моему воинству! Надѣющеся на Тя да не посраммся въ брани Твоими молитвами!“

Царь слушалъ обѣдню. Дьяконъ оканчивалъ чтеніе Евангелія, и лишь только возгласилъ послѣднія слова: *И будетъ едино стадо и единъ Пастырь*, какъ грянулъ взрывъ, словно громъ: земля дрогнула... Царь выступилъ немного изъ церковныхъ дверей и увидѣлъ страшное зрѣлище: дымъ и земля, взорванная порохомъ, затмили воздухъ; бревна, камни и множество людей летѣло въ вышину. Онъ вернулся въ церковь, чтобы дослужать службу, и продолжалъ молиться еще усерднѣе. Дьяконъ произносилъ на службѣ ектенію: *О благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Иоаннѣ Васильевичѣ и о супругѣ его благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Анастасіи Романовнѣ. О пособити и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и сопостата*—при послѣднихъ словахъ разразился второй взрывъ сильнѣе перваго. Ужасно было видѣть множество истерзанныхъ труповъ и искалѣченныхъ людей, летящихъ въ воздухѣ на страшной высотѣ! Съ крикомъ: „Съ нами Богъ!“ Русское войско со всѣхъ сторонъ кинулось на городъ. Татары призывали на помощь Магомета и съ яростью схватывались съ Русскими. Жестокая сѣча кипѣла въ городскихъ воротахъ, въ проломахъ и на стѣнахъ. Одинъ изъ царскихъ приближенныхъ вошелъ въ церковь и сказалъ государю: „Государь! время тебѣ ѣхать,—ужь пелки ждутъ тебя!“—„Если до конца пѣнія дождемся, ствѣчалъ ему царь, „то получимъ отъ Христа

совершенную милость“. — Явился второй вѣстникъ. „Великое время (непремѣнно нужно)—сказалъ онъ—царю ѣхать, чтобы укрѣпились воины въ бою, увидѣвъ его.“ Царь глубоко вздохнулъ, и слезы полились изъ глазъ его. „Не остави мене, Господи Боже мой,—молился онъ,—и не отступи отъ мене, вонми въ помощь мою!“ Обѣдня уже оканчивалась. Іоаннъ приложился къ образу Чудотворца Сергія, выпилъ святой воды, вкусилъ просфоры, принялъ благословеніе у духовника и сказалъ духовенству: „Простите меня и благословите пострадать за вѣру Христову, молитесь Бога непрестанно, помогайте намъ молитвою!“ Сказавъ это, царь сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку.

Русскіе знамена уже развѣвались на городскихъ стѣнахъ, когда Іоаннъ подъѣхалъ къ городу. Присутствіе царя придавало ратникамъ новыя силы. Русскіе ворвались въ городъ съ разныхъ сторонъ. Особенно лютый бой пришлось выдержать отряду князя Курбскаго, который приступалъ къ городу со стороны рѣчки Казанки. Здѣсь войску приходилось взбираться на гору, гдѣ стояла высокая городская башня. Татары подпустили Русскихъ близко къ стѣнѣ и затѣмъ дали страшный залпъ изъ ружей; посыпались на Русскихъ и стрѣлы, подобно частому дождю; полетѣли тучами и камни, побивая рать, словно градъ ниву. Когда же Русскіе подбились съ неимовѣрнымъ трудомъ къ самой стѣнѣ, Казанцы окачивали ихъ сверху кипящимъ варомъ, валили на нихъ съ большой высоты огромные камни и грузныя бревна. Много погибло тутъ Русскихъ удалцовъ. Несмотря на отчаянное упорство Татаръ, Русскіе приставили всетаки лѣстницы и взбирались на стѣну; *) иные лѣзли въ окна башни, въ проломы.

*) Первымъ взшелъ на стѣну юный братъ князя Андрея Михайловича Курбскаго, Романъ; за нимъ прочіе.

Выбитые изъ башни, сбитые со стѣны, Татары обратили тыль.

Лишь только Русскіе ворвались въ городъ (говорить Курбскій), какъ многіе изъ нихъ, падкіе до корысти, бросились грабить дома. Да и было на что позариться: многіе дома и лавки были полны золота, серебра, дорогихъ мѣховъ и самоцвѣтныхъ камней. Иные воины, которые лежали на полѣ, притворившись тяжело ранеными или убитыми, вскакивали, бѣжали въ городъ и принимались усердно за грабежъ. Набѣжали въ городъ даже кашевары и обозные люди и принялись за работу. Казанцы замѣтили это и видя, что противъ ихъ стоитъ не особенно много Русскихъ воиновъ, поналегли на нихъ всею силою и стали ихъ тѣснить,—тѣ начали отступать. Тогда страхъ обуялъ Русскихъ грабителей: они ударились въ бѣгство. Иные изъ нихъ не попадали въ ворота и бросались съ захваченнымъ добромъ чрезъ стѣны; а другіе кидали и добычу, бѣжали и кричали въ попыхахъ: „Сѣкутъ, сѣкутъ!“ Самъ царь, увидѣвъ бѣгущія толпы своихъ людей, сначала было упалъ духомъ; но, узнавъ, въ чемъ дѣло, ободрился и послалъ половину своего полка (10 тысячъ человѣкъ) на помощь бившимся въ городѣ, а тѣхъ, что кидались на грабежъ, велѣлъ безпощадно убивать. Свѣжее войско, вступившее въ городъ, могло сломить отчаянную оборону. Въ самомъ городѣ долго еще кипѣла яростная свалка. Въ страшной тѣснотѣ трудно управляться копьями и саблями,—враги схватывались руками и рѣзались ножами, попирая ногами мертвыхъ и раненыхъ. Иные воины лѣзли на кровли домовъ и оттуда разили враговъ. Князь Воротынскій просилъ помощи. Царь послалъ пѣшихъ воиновъ,—коннымъ невозможно было бы и пробраться въ тѣснотѣ. Самая жаркая битва кипѣла около мечети,

въ которой затворилось значительное количество Татаръ вмѣстѣ съ своимъ главнымъ муллою; Татары отчаянно защищали свою святыню. Когда же въ жаркой схваткѣ палъ ихъ мулла, то оставшіеся въ живыхъ кинулись на царевъ дворъ. Царь Едигеръ заперся въ своемъ дворцѣ и сильно отбивался отъ Русскихъ. Наконецъ, видя, что тутъ ему не спастись, ринулся съ своимъ отрядомъ къ воротамъ, думая прорваться сквозь ряды Русскихъ изъ города. Но путь ему загородилъ отрядъ Курбскаго, а сзади напирало главное Русское войско. Татары по трупамъ своихъ взобрались на башню и закричали Русскимъ, что хотятъ вступить съ ними въ переговоры. Русскіе перестали биться, и Татары начали говорить: „Пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за юртъ. Теперь мы отдаемъ вамъ царя живаго и здороваго: ведите его къ своему царю! А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу.“ Выдавъ царя вмѣстѣ съ тремя приближенными къ нему вельможами, *) Татары бросились прямо со стѣны на берегъ Казанки и хотѣли пробиться прямо къ рѣкѣ, но, встрѣченные залпомъ изъ Русскихъ пушекъ, поворотили налѣво внизъ, бросили доспѣхи, разулись и перебрали рѣчку, въ числѣ 6000 человекъ. Двое братьевъ, князья Курбскіе, Андрей и Романъ, сѣли на коней, съ многочисленною дружиною обскакали непріятеля, отрѣзали ему дорогу и вступили въ бой, въ виду всего Русскаго войска, смотрѣвшаго со стѣнъ города на битву. Князь Андрей прежде всѣхъ врѣзался въ толпу Татаръ: три раза

*) Вмѣстѣ съ Едигеромъ Казанцы выдали Палецкому главнаго, престарѣлаго вельможу, или *карачу*, именемъ Заніеша и двухъ мамичей или совоспитанниковъ царя.—По сказанію *Исторіи Казанскаго Царства* Русскіе хотѣли убить Едигера, не зная его; но Татары закричали имъ: „Не убивайте: это—царь!“

конь его опирался о враговъ, въ четвертый палъ среди нихъ вмѣстѣ съ княземъ. Оглушенный ударами, истекая кровью, князь Андрей потерялъ память и долго не могъ очнуться. Тутъ прискакалъ на помощь братъ его, ринулся на враговъ, два раза проѣхалъ среди нихъ, поражая бусурманъ направо и налево. Когда же конь его палъ, онъ, забывъ тяжкія раны, вскочилъ на другаго, догналъ снова Татаръ и началъ рубить ихъ. Оба князя-героя были учащены ранами: старшаго спасла отъ смерти броня прародительская; младшій умеръ на другое лѣто. Задержанные братьями Курбскими, Татары не успѣли достигнуть большого болота, за которымъ начинался густой лѣсъ, и были настигнуты троими воеводами—князьями Мукумскимъ и Глинскимъ, нанесшими имъ окончательное пораженіе: только немногіе изъ нихъ успѣли убѣжать въ лѣсъ, и то раненные. Въ Казани не осталось въ живыхъ ни одного изъ ея защитниковъ, потому что Іоаннъ велѣлъ побивать всѣхъ вооруженныхъ, а братъ въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей.

Узнавъ, что Казань находится въ рукахъ его войска, царь велѣлъ служить благодарственный молебенъ подъ своимъ знаменемъ, собственноручно вмѣстѣ съ духовенствомъ водрузилъ крестъ и велѣлъ поставить церковь во имя Нерукотвореннаго Образа Спасова на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя *) во время взятія города. Послѣ молебна князь Владиміръ Андреевичъ, всѣ бояре и воеводы поздравляли государя съ славною побѣдою. Князь Владиміръ говорилъ: „Радуйся, царь православный, Божіею благодатію побѣдившій супостатовъ! будь здоровъ на многія лѣта на Богомъ

*) Знамя это въ настоящее время хранится въ Москвѣ, въ Оружейной палатѣ.

дарованномъ тебѣ царствѣ Казанскомъ! Ты по Богѣ нашъ заступникъ отъ безбожныхъ агарянъ; тобою теперь бѣдныя христіане освобождаются навѣки и нечестивое мѣсто освящается благодатію. И впередъ у Бога милости просимъ, чтобъ умножилъ лѣтъ живота твоего и покорилъ всѣхъ супостатовъ подъ ноги твои и далъ бы тебѣ сыновей наслѣдниковъ царству твоему, чтобъ намъ пожить въ тишинѣ и покоѣ.“ Царь отвѣчалъ: „Богъ это совершилъ твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою. Буди воля Господня!“ — Пріѣхалъ и Шигъ-Алей съ поздравленіемъ. Бывшему Татарскому царю, поздравляющему съ разрушеніемъ Татарскаго царства, царь-побѣдитель счелъ приличнымъ отвѣчать оправданіемъ этого разрушенія, вызваннаго печальною необходимостью: „Царь-господинъ! тебѣ, брату нашему, вѣдомо: много я къ нимъ посылалъ, чтобъ захотѣли покою. Тебѣ вѣдомо упорство ихъ, какимъ злымъ ухищреніемъ много лѣтъ лгали. Теперь милосердый Богъ праведный судъ Свой показалъ, отомстилъ имъ за кровь христіанскую!

По приказанію царя, очищена была отъ труповъ одна улица въ Казани, ведшая отъ Муралеевыхъ воротъ къ царскому дворцу. Это стоило не малаго труда: груды тѣлъ лежали на улицахъ, горы ихъ были у стѣнъ, рвы были наполнены ими, поле усѣяно. Все свидѣтельствовало о страшной лютости боя. Царь вѣхалъ въ столицу побѣжденнаго царства, впереди ѣхали воеводы и дворяне, сзади князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-Алей. Нѣсколько тысячъ христіанъ, томившихся въ Казанской неволѣ и теперь освобожденныхъ, увидѣвъ царя, кланялись ему въ землю и со слезами кричали: „Избавитель ты нашъ! Ты спасъ насъ изъ ада! Ты ради насъ несчастныхъ не щадишь своей головы!“

Царь велѣлъ отвести ихъ въ свой станъ и кормить, потомъ распорядиться отсылкою ихъ по домамъ. Вѣхавъ въ городъ онъ велѣлъ воеводамъ тушить пожаръ, пылавшій еще въ нѣкоторыхъ частяхъ города, и очистить его отъ труповъ.

Всѣ Русскіе люди были въ большой радости. Да и какъ было не радоваться? „На томъ мѣстѣ,—говоритъ лѣтописецъ,—гдѣ прежде водворялись нечестивые цари и много лѣтъ проливалась кровь бѣдствующихъ христіанъ, теперь возсіяло праведное Солнце, Животворящій Крестъ, образъ Владыки нашего Христа и Пречистой Его Матери и великихъ Чудотворцевъ!“

Всѣ сокровища, взятыя въ Казани, и плѣнниковъ, женщинъ и дѣтей, Іоаннъ отдалъ войску, а себѣ взялъ царя Едигера, царскія знамена и городскія пушки. Побывъ нѣсколько времени въ царскомъ дворцѣ, онъ возвратился назадъ въ станъ, гдѣ прежде всего пошелъ въ церковь св. Сергія Чудотворца принести благодарную молитву этому молитвеннику и ходатаю предъ Богомъ за землю Русскую; потомъ вышелъ къ полкамъ съ радостнымъ и свѣтлымъ лицомъ. Его вѣрные сподвижники еще дымились кровію невѣрныхъ и своею; многіе витязи, по словамъ лѣтописца, *сіяли ранами драгоценнѣйшими алмазовъ*. „Государь же исшедъ къ нимъ веселымъ образомъ, любовь и милость воистину проявляя, и свѣтлымъ гласомъ рече во услышаніе всѣмъ могущимъ слышати:“

„Воины мужественные, бояре, воеводы и всѣ прочіе добрые страдальцы за вѣру, отечество и насъ въ настоящій знаменитый день! Вы пріобрѣли неслыханную въ наше время славу. Никто не оказывалъ такой храбрости, никто не одерживалъ такой побѣды, какъ вы, любезные мои! Вы — новые Македоняне и наслѣдники храбрости вашихъ предковъ, одержавшихъ съ

великимъ княземъ Димитріемъ славную побѣду надъ Мамаемъ за Дономъ. За ваше достохвальное мужество вы достойны не только благодарности отъ меня, но и воздаянія отъ десницы Божіей. Испившіе смертную чашу будутъ причтены къ лику святыхъ мучениковъ; и мы должны вѣчно поминать ихъ и, записавъ имена ихъ, передать въ церковь для вѣчнаго поминовенія. Пролитшихъ же свою кровь и васъ всѣхъ, оставшихся въ живыхъ, обѣщаемъ пожаловать по достоинству сторицею.“

Войско отвѣтствовало на эту рѣчь радостными кликами. Затѣмъ царь устроилъ въ станѣ радостный пиръ своимъ сподвижникамъ-героямъ. Въ этотъ же день онъ отправилъ своего шурина, князя Данилу Романовича, въ Москву съ радостною вѣстію къ супругѣ, митрополиту и брату Юрію.

Казань была взята; но необходимо было распорядиться относительно дикаго, воинственного народонаселенія, жившаго въ ея области и находившагося въ зависимости отъ нея. Іоаннъ разослалъ по всѣмъ улусамъ чернымъ ясачнымъ (податнымъ) людямъ жалованные грамоты, въ которыхъ писалъ, чтобы они шли къ нему безъ страха: онъ ихъ пожалуетъ, а они бы платили ему ясакъ, какой платили прежнимъ Казанскимъ царямъ. Арскіе люди и Луговая Черемиса прислали къ царю съ челобитьемъ, изъявляли покорность. Успокоенные царскими грамотами, они возвратились въ свои дома изъ лѣсовъ, куда попрятались послѣ разгрома Казани.

4-го октября вся Казань была очищена отъ труповъ. Царь поѣхалъ въ нее въ другой разъ, выбралъ среди города мѣсто, водрузилъ на немъ своими руками крестъ и заложилъ церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Отслужили молебенъ, освяти-

ли воду и совершили крестный ходъ по городскимъ стѣнамъ. На третій день, 6-го октября, заложенная церковь Благовѣщенія была уже готова и освящена.*)

Въ тотъ же день царь назначилъ намѣстникомъ въ Казань большаго боярина, князя Александра Борисовича Горбатаго и боярина князя Василя Семеновича Серебрянаго, оставилъ съ ними дворянъ своихъ большихъ, много дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ.

Въ 1555 году открыта была Казанская епархія, и первымъ архіепископомъ Казанскимъ былъ св. Гурій, мощи котораго почиваютъ въ каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ.

IX.

Возвращеніе Іоанна въ Москву.

11-го—29-го октября 1552 года.

11-го октября, отслуживъ напутственный молебенъ въ новооснованной церкви Благовѣщенія, покоритель Казанскаго царства выступилъ въ обратный путь. Самъ государь поѣхалъ Волгою на судахъ, а конная рать пошла берегомъ на Васильсурскъ съ княземъ Воротынскимъ. Переночевавъ на берегу Волги, противъ Гостиного острова, Іоаннъ 12-го октября съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ боярами и съ пѣхотными дружинами отплылъ на судахъ къ Свіязску. Въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ былъ встрѣченъ на берегу Волги

*) „Октября 6-го свящалъ государь церковь Благовѣщеніе, и свящалъ Андрей протопопъ, да съ Свіаги Рождественскій протопопъ Аѳанасій со игумены и священники.“ Теперь на мѣстѣ первой деревянной церкви стоитъ каменный Благовѣщенскій соборъ, основанный въ 1562 году св. Гуріемъ.

всѣми гражданами со крестами; здѣсь же онъ встрѣтилъ посланныхъ изъ Москвы съ поздравленіемъ отъ царицы, отъ князя Юрія Васильевича и отъ митрополита. Вышедши здѣсь изъ судовъ, Іоаннъ поѣхалъ сухимъ путемъ на Балахну во Владиміръ. Здѣсь ждала его новая радость: прискакалъ бояринъ Василій Юрьевичъ Траханіотъ съ вѣстью о рожденіи перваго сына, Димитрія. Государь въ радости спрыгнулъ съ коня, обнялъ, цѣловалъ Траханіота, плакалъ и, не зная, чѣмъ наградить вѣстника счастья, отдалъ ему съ плеча царскую одежду и коня изъ-подъ себя. *) Изъ Владиміра чрезъ Суздаль и Юрьевъ царь поѣхалъ въ Троицкій монастырь, гдѣ прежній митрополитъ Іоасафъ, игумень и братія встрѣтили его съ крестами. 28-го октября онъ ночевалъ въ селѣ Тайнинскомъ, гдѣ встрѣченъ былъ братомъ Юріемъ и нѣкоторыми боярами. Наконецъ 29-го октября, приближаясь рано утромъ къ своей столицѣ, Іоаннъ Васильевичъ увидѣлъ на берегу Яузы безчисленное множество народа, такъ что на пространствѣ шести верстъ, отъ рѣки до города, оставался только самый тѣсный путь для государя и его дружины. Тысячи народа встрѣчали и сопровождали своего царя радостными кликами: „Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанъ!“ У Срѣтенскаго монастыря онъ былъ встрѣченъ митрополитомъ съ крестами. Благословившись у первосвященника, Іоаннъ говорилъ ему рѣчь, въ которой излагалъ исторію Казанскаго похода и которая оканчивалась такъ: „А тебѣ отцу своему и богомольцу и всему освященному собору, вмѣстѣ съ княземъ Влади-

*) „И отъ великія радости образъ лица его вельми цвѣтяше; тому же Василью Юрьевичу жалуетъ изъ-подъ себя иноходца коня и все платье съ себе, и до послѣднія срачицы“ (Морозовская Лѣтопись).

міромъ Андреевичемъ и со всѣмъ войскомъ, за ваши труды и молитвы, потому что вашими молитвами Богъ содѣлалъ такія великія чудеса, много челомъ бьемъ.“ Тутъ царь, князь Владиміръ и все войско поклонились въ землю, послѣ чего Іоаннъ продолжалъ: „И теперъ вамъ челомъ бую, чтобъ пожаловали, потщились молитвою къ Богу о нашемъ согрѣшеніи и о строеніи земскомъ, чтобъ вашими святыми молитвами милосердый Богъ милость намъ Свою послалъ и порученную намъ паству, православныхъ христіанъ, сохранилъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ; наставилъ бы насъ на путь спасенія, отъ враговъ невидимыхъ соблюлъ, новопросвѣщенный градъ Казанскій, по волѣ Его святой намъ данный, сохранилъ во имя святое Свое и утвердилъ бы въ немъ благовѣріе, истинный законъ христіанскій, и невѣрныхъ бы обратилъ къ Нему, чтобъ и они вмѣстѣ съ нами славили великое имя Святыя Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.“—Митрополитъ отвѣчалъ также рѣчью, въ которой прославлялъ милость Божію и подвиги царя, сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ, Владиміромъ Святымъ, Димитріемъ Донскимъ, Александромъ Невскимъ. Эту рѣчь онъ закончилъ слѣдующими словами: „Мы же, твои богомольцы, что къ Богу возглаголемъ за Его великія милости и дарованія тебѣ, царю благочестивому, вѣрному Его рабу? Скажемъ только: Великій еси, Господи, и чудны дѣла Твои,—нѣтъ словъ къ восхваленію чудесъ Твоихъ! А тебѣ, царь, какъ возможемъ бить челомъ и какія тебѣ похвалы принесемъ? Ты съ Божіею помощію избавилъ насъ отъ нападеній варварскихъ, жилища ихъ до основанія разорилъ и бѣдную братію нашу освободилъ изъ плѣна. Скажемъ тебѣ вмѣстѣ съ избавленною братіею: Радуйся, благочестивый царь, и веселися, приводя ихъ ко

Христу! Здравствуй, государь нашъ, съ царицею Анастасіею, съ Богомъ дарованнымъ тебѣ сыномъ, царевичемъ Димитріемъ, съ братьями—Юріемъ Васильевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ, съ своими боярами и всѣмъ войскомъ,—здравствуй въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, на всѣхъ твоихъ царствахъ и на дарованномъ тебѣ царствѣ Казанскомъ, въ сей годъ и на будущія многія, многія лѣта! А за твои труды, царь благочестивый, со освященнымъ соборомъ и со всѣми православными христіанами бьемъ челомъ.“ И митрополитъ въ свою очередь со всѣмъ духовенствомъ и народомъ пали ницъ предъ царемъ и его воинствомъ со слезами радости.

Здѣсь же, у Срѣтенскаго монастыря, Іоаннъ переоделся: снялъ воинскіе доспѣхи и надѣлъ одежду царскую—на голову надѣлъ шапку Мономахову, на плеча бармы, на грудь крестъ, и пошелъ пѣшкомъ за крестами въ Успенскій соборъ, а оттуда во дворецъ.

8-го, 9-го и 10-го ноября у царя были столы (торжественные обѣды) для знатнаго духовенства и вельможъ, и три дня раздавались дары митрополиту и владыкамъ и награды воеводамъ и воинамъ, начиная съ князя Владиміра Андреевича до послѣдняго сына боярскаго: кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, роздано было деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами, конями 48,000 рублей (сумма по тому времени огромная).

Торжество покоренія Казани достойнымъ образомъ завершилось торжествомъ вѣры Христовой надъ двумя Казанскими царями—Утемишъ-Гиреемъ и Едигеромъ. Перваго, еще младенца, митрополитъ крестилъ въ Чудовѣ монастырѣ и назвалъ Александромъ. Государь взялъ его къ себѣ во дворецъ. Едигеръ самъ изъявилъ желаніе сдѣлаться христіаниномъ. Таинство

крещенія было совершено надъ нимъ на берегу Моск-
вы рѣки, въ присутствіи государя, бояръ и множества
народа. Воспріемникомъ новопросвѣщеннаго Симеона
отъ купели былъ митрополитъ. Симеонъ-Едигеръ удер-
жалъ титулъ царя, жилъ въ Кремлѣ въ особомъ боль-
шомъ домѣ, имѣлъ боярина, чиновниковъ, множество
прислуги, женился на дочери знатнаго сановника, Ан-
дрея Кутузова, Маріи, и пользовался всегда располо-
женіемъ государя. (Тогда же крестилось много Казан-
скихъ князей, увеличившихъ собою число Татарскихъ
родовъ въ Русскомъ дворянствѣ.)

Х.

Историческое значеніе завоеванія Казани.

Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ встрѣчалъ всюду
Русскій народъ Іоанна Васильевича при возвращеніи
его изъ Казанскаго похода: онъ привѣтствовалъ въ
немъ *перваго* завоевателя ненавистнаго Татарскаго, бу-
сурманскаго царства.

Надобно перенестись въ XVI вѣкъ, чтобъ по-
нять всю силу впечатлѣнія, какое производили на со-
временниковъ эти слова: завоевано Татарское царство!
Только нѣсколько лѣтъ назадъ молодой великій князь
рѣшился принять этотъ страшный титулъ царя, озна-
чавшій до сихъ поръ преимущество Татарскихъ ха-
новъ, верховныхъ повелителей, предъ которыми пре-
клонялись наши князья. Вспомнимъ, что Іоаннъ III,
требовавшій равенства съ императоромъ Германскимъ
и султаномъ, не думалъ о равенствѣ съ царемъ Крым-

скимъ и билъ ему челомъ. И вотъ царство Татарское завоевано—и завоевано съ необыкновенными усилями, которыя соотвѣтствовали усилямъ сѣверо-восточной Руси для отраженія Мамаѣ въ 1380 году. Но слѣдствія усилій были совершенно различны: слѣдствіемъ усилій Донскаго было только отраженіе страшнаго царя, — слѣдствіемъ усилій Іоанна IV было завоеваніе царства.

Въ туманѣ самой отдаленной древности представлялись первые князья Русскіе, эти герои, завоевывавшіе чуждыя страны; давно миновались эти счастливыя времена и замѣнились временами усобицъ и нападеній поганыхъ, несшихъ розно Русскую землю. Недавно Русская земля начала опять собираться, но о приобрѣтеніяхъ чуждыхъ земель не думали. Завоеваніе Казанскаго царства было слѣдовательно первымъ завоеваніемъ и—что всего важнѣе—завоеваніемъ Татарскаго царства. Послѣ многихъ вѣковъ страданія и униженія явился наконецъ царь на Руси, который возвратилъ ей счастливое время первыхъ князей-завоевателей. Понятно отсюда, почему Іоаннъ IV сталъ такъ высоко надъ своими предшественниками, почему для Русскихъ людей XVII вѣка это былъ самый величественный образъ въ Русской исторіи, загораживающій собою всѣ другіе образы, именно такой, какимъ для Русскихъ людей двухъ послѣднихъ вѣковъ былъ образъ Петра Великаго. Но имѣемъ право сказать, что, относительно всей массы Русскаго народонаселенія, впечатлѣніе, произведенное подвигами Іоанна IV, было сильнѣе впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ подвигами Петра, ибо дѣятельность преобразовательная, касавшаяся преимущественно высшихъ слоевъ общества, подвиги Сѣверной войны, Полтавская побѣда не могли возбуждать въ цѣлой массѣ народонаселенія такого

сильнаго сочувствія, какое въ Русскихъ людяхъ XVI вѣка возбуждено было завоеваніемъ Татарскаго царства. Притомъ завоеваніе это не было вовсе слѣдствіемъ личнаго славолубія молодаго государя и не было слѣдствіемъ стремленій великихъ, но не для всѣхъ понятныхъ, каково, напримѣръ, было стремленіе къ завоеванію Прибалтійскихъ областей: завоеваніе Казанскаго царства было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ cadaго Русскаго человѣка; подвигъ этотъ совершался для защиты христіанства отъ бусурманства, для охраненія Русскихъ областей, опустошаемыхъ варварами, для освобожденія плѣнниковъ христіанскихъ. Наконецъ впечатлѣніе усиливалось еще разказами о необыкновенныхъ трудностяхъ подвига, ибо всѣ прежніе походы не могли идти въ сравненіе съ походомъ Казанскимъ.

Въ исторіи восточной Европы взятіе Казани, водруженіе креста на берегахъ ея рѣкъ имѣетъ важное значеніе. Преобладаніе азіатскихъ ордъ здѣсь было поколеблено въ XIV вѣкѣ и начало никнуть предъ новымъ европейскимъ, христіанскимъ государствомъ, образовавшимся въ области верхней Волги. Во второй половинѣ XV вѣка Золотая орда рушилась; но расторгнутые члены чудовища не переставали двигаться: явились три царства Татарскихъ. Изъ нихъ Астраханское, образовавшееся въ устьяхъ Волги, было самое безопасное для христіанскихъ государствъ восточной Европы. Крымское скоро обнаружило свой разбойничій характеръ въ отношеніи къ Руси и Польшѣ; но широкая степь отдаляла Московское государство отъ Крыма. Ничто не отдаляло его отъ третьяго царства—Казанскаго, основаннаго на средней Волгѣ и нижней Камѣ, въ томъ важномъ мѣстѣ, гдѣ новая сѣверо-восточная Русь необходимо должна была сталкиваться съ Азіею въ сво-

емъ естественномъ стремленіи—внизъ по Волгѣ. Издавна Азія, и Азія магометанская, устроила здѣсь притонъ, притонъ не для кочевыхъ ордъ, но для цивилизаціи своей; издавна утвердился здѣсь торговый и промышленный народъ—Болгары; издавна, когда еще Русскій Славянинъ не начиналъ строить на Окѣ церквей христіанскихъ, не занималъ еще этихъ мѣстъ во имя европейской гражданственности, Болгаринъ слушалъ уже коранъ на берегахъ Волги и Камы. Здѣсь впервые въ сѣверо-восточной Европѣ христіанство столкнулось съ бусурманствомъ. Это столкновение было необходимо, какъ скоро новая Русь основалась въ области верхней Волги, какъ скоро славянская колонизація нашла себѣ путь внизъ по этой рѣкѣ. Первые князья новой, сѣверо-восточной Руси—Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III, Юрій II ведутъ войны съ Болгарами и доводятъ границы своихъ владѣній до устья Оки въ Волгу, гдѣ закрѣпляютъ ихъ Нижнимъ-Новгородомъ. Болгарамъ трудно было бы защищать Азію и магометанство съ этой стороны отъ напора Руси; но вотъ Азія высылаетъ Татаръ, и движеніе Руси на востокъ по теченію Волги остановлено надолго. Съ ослабленіемъ Татарскаго владычества это движеніе снова начинается; но тутъ Азія, Татары собираютъ послѣднія силы и утверждаютъ въ опасномъ мѣстѣ, — основывается Казань. До тѣхъ поръ, пока существовала Казань, до тѣхъ поръ дальнѣйшее движеніе Русской колонизаціи на востокъ по Волгѣ, наступательное движеніе Европы на Азію было невозможно. Страшное ожесточеніе, съ какимъ Татары, эти жители степей и кибитокъ, способные къ нападенію, но неспособные къ защитѣ, защищали однако Казань, это страшное ожесточеніе заслуживаетъ вниманіе историка: здѣсь средняя Азія, подъ знаменемъ Магомета.

билась за свой послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ христіанскимъ знаменемъ государя Московскаго. Пала Казань, и вся Волга стала рѣкою Московскаго государства. Завоеваніе Астрахани было скорымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ завоеванія Казани... Со взятіемъ всей Волги во владѣніе Московскимъ государствомъ, Русскія поселенія получили возможность распространяться и на юго-востокъ, въ богатые страны, орошаемыя западными притоками Волги и восточными Дона.“ *)

XI.

Память въ народѣ о покореніи Казани.

Если народъ живо помнитъ и съ сердечною болью воспоминаетъ мрачное и печальное время Татарской неволи со всѣми его ужасами, то въ памяти его не могли не сохраниться и тѣ свѣтло-радостныя историческія событія, въ которыхъ его злѣйшіе враги—Татары являются не грозными побѣдителями и злыми мучителями, а побѣжденными, униженными, безсильными. Таки-ми свѣтлыми событіями въ древней исторіи Русской земли были въ особенности Мамаево побоище и взятіе Казани.

Вотъ какъ поется въ народной пѣснѣ о послѣднемъ событіи:

Вы послушайте, ребята,
Что мы станемъ говорить,
А мы, старыя старушки,

*) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ VI. Изданіе 4-е. М. 1877. Стр. 98—101.

Будемъ сказывати
Про грозна царя Ивана
Про Васильевича:
Какъ царь-государь
Подъ Казань подступалъ,
Онъ подъ рѣчку подъ Казанку
Подкопъ подкопалъ—
Сорокъ бочекъ закопалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ—
Чернымъ порохомъ;
А на бочки становили
Воску яраго свѣчи.
Злы Татарове по городу
Похаживаютъ,
Похваляются,
Да выхваляются,
Что не быть, дескать, Казанюшке
Подъ бѣлыхъ подъ царемъ.
А онъ, нашъ царь-государь,
Распалается,
Распалается, прогнѣвается;
А на завтра пушкарей
Онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарчиковъ,
Зажигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь
Посмѣлѣй всѣхъ былъ:
А за первое, царь, слово
Мнѣ нѣтъ казни;
За другое, царь, слово
Головы не сними.
А въ тиши-то свѣчи
Онѣ тише горятъ,
На вѣтру-то свѣчи
Онѣ шибче горятъ.
Не успѣлъ пушкарь
Слово вымолвить,
Какъ и вырвало стѣну
Бѣлокаменную,

Поломало всѣ башни
Узорчатые.
Вдругъ нашъ царь-государь
Очень весель сталъ,
А на утро пушкарей
Велитъ жаловати:
И всѣмъ пушкарямъ
По пятидесяти рублей,
Одному же пушкарю
Сто пятьдесятъ рублей.

Приведемъ еще другую пѣсню о взятіи Казани:

Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Какъ-бы сизый орлище востепенулся,
Какъ-бы грозная туча подымалась,
На Казанское царство наплывала.
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь Московскій,
А Иванъ сударь Васильевичъ прозоритель,
Со тѣми-ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Какъ онъ, грозенъ царь, подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону—подъ Сулай-рѣку,
Сорокъ бочекъ закатилъ со лютымъ зельемъ,
Со лютымъ зельемъ—со порохомъ.
Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску яраго,
Зажжемши свѣчи сами прочь отошли.
А злые Татарченки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего царя бѣлаго, Ивана Васильевича, подражниваютъ:
„Ты не городъ пришелъ братъ, пришелъ тыль казать!“
На то грозный царь Иванъ Васильевичъ осердился:
„Подавай мнѣ пушкаревъ казнить-вѣшати!“
Какъ и выбрался изъ нихъ молодой пушкарь:
„Не изволь, государь, насъ вѣшати-казнить,
Дай ты намъ, государь, рѣчи говорить:
Наружу-то свѣчи онѣ скоро горять,
Въ подземельи не скоро теплятся.“
Не успѣлъ слова сказать—стало бочки рвать,

Стало бочки рвать—землю на-розно метать,
Какъ стѣны бросало за Сулай-рѣку
И побило всѣхъ Татаръ каменничкомъ.

Вотъ картинно-живописное изображеніе въ пѣснѣ
послѣдствій жестокаго кровопролитія:

Казань-то городъ во крови стоитъ,
Казанка-то рѣчка кровью протекла,
Мелкіе ручьи—горючими слезами;
По лугамъ—лугамъ да все волосы,
По горамъ—горамъ да все головы,
Да все головы разнообразныя.

XII.

Памятники покоренія Казани.

Въ память покоренія Казани Іоаннъ Васильевичъ
воздвигъ въ Москвѣ, по обѣту, храмъ во имя Покрова
Богоматери о девяти верхахъ или главахъ. Этотъ
храмъ, извѣстный теперь подъ именемъ Покровскаго
Собора на Рву *) или Церкви Василія Блаженнаго, **)
находится на Красной площади, противъ Спасскихъ
(Фроловскихъ) воротъ и представляетъ очень любо-
пытный памятникъ своеобразнаго и затѣйливаго зодче-
ства. Строитель храма несомнѣнно былъ человекъ весь-
ма талантливый; имя его, къ сожалѣнію, осталось не-
извѣстнымъ. Въ народѣ сложилось даже баснословное

*) На этомъ мѣстѣ была прежде деревянная церковь во имя Святой Троицы
надъ кремлевскимъ рвомъ.

**) Въ немъ почиваютъ мощи св. Василія юродиваго Христа ради, или бла-
женнаго.

преданіе, будто царь, восхищенный красотою зданія, приказалъ выколоть глаза зодчему, чтобы онъ не могъ нигдѣ въ чужомъ краю выстроить ничего подобнаго.

На мѣдной доскѣ, прибитой къ стѣнѣ храма, вырѣзана слѣдующая надпись:

„Божіимъ благоволеніемъ и Пречистыя Богородицы милостію и всѣхъ Святыхъ молитвами, повелѣніемъ благочестиваго царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи, лѣта 7062 (1554) начата созиданіемъ сія церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, да на томъ же основаніи восемь церквей: Входъ во Іерусалимъ; Живоначальная Троицы; иже во Святыхъ отецъ нашихъ трехъ Патріарховъ—Александра, Іоанна и Павла Новаго; Святаго Священномученика Григорія Великія Арменіи; Святыхъ Мученикъ Кипріана и Устины; Преподобныхъ: Александра Свирскаго, Варлаама Хутынскаго и великаго Чудотворца Николая. И поставлена бысть сія святая церковь, егда самъ Христолюбивый царь Іоаннъ Васильевичъ всея Россіи со всѣми своими воинствы ходи въ Казань и многихъ тамо поби и разори и градъ взя и царя Казанскаго съ мурзами привезе въ Москву.“

Другимъ памятникомъ покоренія Казани служитъ *памятникъ надъ могилою воиновъ, убитыхъ подъ Казанью*. Онъ находится на холмѣ въ 1½ верстахъ отъ Казани, неподалеку отъ Московскаго тракта, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ Успенскій монастырь; потомъ тутъ была часовня, а въ 1812 году начать постройкою настоящій памятникъ, оконченный въ 1823 году. Онъ построенъ по чертежу архитектора Алферова, имѣетъ видъ усѣченной пирамиды, 10 квадратныхъ сажень въ основаніи и 10 саж. вышины, съ фронтонами со всѣхъ сторонъ. Площадь вокругъ памятника, крыльца и фронтоны выложены камнемъ; вершина увѣнчана

вызолоченнымъ крестомъ, а весь памятникъ снаружи обложенъ листовымъ желѣзомъ. Внутри въ углахъ устроены четыре келліи, а въ срединѣ — церковь во имя *Нерукотвореннаго Образа* Всемилостиваго Спаса. Подъ спудомъ, въ подземельной пещерѣ, устроенъ гробъ, въ которомъ собраны кости воиновъ. Въ этой церкви совершается каждую субботу и воскресенье богослуженіе архимандритомъ или однимъ изъ іеромонаховъ Зилантова монастыря. Памятникъ сооруженъ на суммы, собранныя жителями Казани и отчасти пожертвованныя императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Видѣнія и предсказанія о паденіи Казани. *)

Въ *Царственной Книгѣ*, излагающей, между прочимъ, Казанскую войну, подробно описаны разныя видѣнія на яву и во снѣ, бывшія многимъ людямъ, какъ Русскимъ, такъ и Татарамъ, и предвѣщавшія паденіе Казани. Заимствуемъ изъ нея вкратцѣ эти повѣствованія и приводимъ сначала видѣнія, бывшія Русскимъ, а затѣмъ—бывшія Татарамъ.

1.

Видѣніе въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Когда Русское войско, отправлявшееся подъ Казань, приближалось къ Свіяжску, къ царю прибылъ изъ Нижняго-Новгорода протопопъ со святою водою и рассказалъ, что на-дняхъ у нихъ въ городѣ было чудесное видѣніе. Пономарь церкви Зачатія св. Анны, вышедъ предъ заутренею изъ дому, увидалъ въ церкви свѣтъ. Въ испугѣ, не зная, что подумать, онъ поспѣшно вошелъ въ церковь—и видитъ сіяющаго сѣди-

*) Считаемо безынтереснымъ замѣтить, что разными видѣніями и предзнаменованіями сопровождалось паденіе и другихъ извѣстныхъ городовъ, напр. Новгорода-Великаго, Константинополя и друг.

нами мужа, который, увидѣвъ пономаря, приказалъ ему немедленно звонить къ заутренѣ. „Не смѣю, — говоритъ испуганный пономарь, — потому что не получилъ еще приказанія отъ священника.“ — „Не бойся, — отвѣчаетъ старецъ, — иди и звони скорѣе: мнѣ некогда дожидаться здѣсь, я спѣшу къ Казани на помощь царю и великому князю Іоанну.“ Пономарь не осмѣлился больше возражать, пошелъ и сталъ звонить; возвратившись же въ церковь, никого уже въ ней не нашелъ.

2.

Видѣніе Апостоловъ и Святыхъ.

Нѣкто Тихонъ, человѣкъ богобоязненный, бывшій слугою боярина Головина, лежалъ раненый (это было во время осады Казани) въ своей палаткѣ. Вдругъ, какъ будто во снѣ, онъ видитъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла съ Чудотворцемъ Николаемъ и другими Святими въ неизреченномъ свѣтѣ грядущихъ по воздуху; а на землѣ въ это время скачетъ Татарское войско и молить Святителя Николая, чтобъ помогъ ему одолѣть Русскихъ. Но Чудотворецъ обратился къ Апостоламъ и прочимъ Святымъ и сказалъ: „Преблагій Богъ, хотящій всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити, благоволилъ и здѣсь быть православнымъ. Итакъ не медлите — благословите и освятите мѣсто сіе, какъ повелѣлъ вамъ Господь.“ Апостолы и Святые благословили при этомъ городъ Казань, — и видѣніе исчезло.

3.

Видѣніе Святаго Николая.

Одинъ изъ воиновъ, Нижегородецъ, отстоявъ свои часы на стражѣ, усталый вошелъ въ свою палатку и

легъ отдохнуть послѣ долгаго труда и бодрствованія; не успѣлъ онъ сомкнуть глазъ, какъ слышитъ, что кто-то будить его. „Не мѣшай,—говоритъ воинъ,—я сильно усталъ и хочу отдохнуть“—и, открывъ приэтомъ глаза, видитъ Святителя Николая, который говоритъ ему: „Иди, скажи царю и великому князю Іоанну, чтобъ онъ повелѣлъ осѣнить свое войско честнымъ крестомъ и окропить святою водою: се бо предаетъ Богъ градъ сей Казань въ руки его.“ Воинъ поспѣшно всталъ и доложилъ объ этомъ государю, который немедленно распорядился объ исполненіи приказанія Чудотворца.

4.

Видѣніе Даниіла Переяславскаго и свѣта надъ Казанью.

Одинъ священникъ, бывшій при войскѣ, ложась спать, обратился съ молитвою къ св. Данилу, прося его о помощи благочестивому царю. „Знаю,—такъ молился священникъ,—что ты, преподобный, имѣешь дерзновеніе къ Богу: еще находясь въ сей жизни, ты помогалъ многимъ въ скорбяхъ, и меня нѣкогда молитвами своими исторгнулъ изъ рукъ разбойниковъ, избавивъ внезапно отъ обнаженнаго оружія и горькой смерти. Такъ и нынѣ стань своими молитвами въ помощь христіанскому царю, котораго ты самъ своими священными руками принялъ отъ купели святаго крещенія. Какъ чадолюбивый отецъ, не оставь его и теперь, но ходатайствуй къ Богу твоими молитвами, да смиритъ Богъ сопротивныхъ ему и да просвѣтитъ благочестіемъ мѣсто сіе, да разрушитъ всѣхъ воюющихъ противъ него, да посрамятся всѣ, показывающіе къ намъ вражду, и да сокрушится крѣпость ихъ.“ Помолвившись такъ, священникъ слегка уснулъ и вдругъ ви-

дять: преподобный Данииль сидить въ своемъ монастырѣ на какомъ-то возвышенномъ мѣстѣ, окруженный свѣтолѣпными мужами, а онъ (священникъ) сидить прямо у ногъ преподобнаго въ мантии и недоумѣваетъ, когда же возложена на него мантия, но спросить объ этомъ никого не смѣетъ. Видя его недоумѣніе, окружающіе преп. Даниила спрашиваютъ его: „Неужели и этотъ причтенъ къ братіи?“ Преподобный отвѣчаетъ: „Нѣтъ еще, но будетъ причтенъ послѣ; а теперь пусть будетъ отпущенъ.“ Приэтомъ священникъ проснулся, трепеща отъ видѣнія, которое было такъ живо, что и наяву онъ сталъ оцупывать себя, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли на немъ мантии. Была еще глубокая ночь. Открывъ окно, чтобы освѣжиться, священникъ видитъ вдругъ надъ Казанью необыкновенный свѣтъ, какъ будто отъ сильного пожара, и потомъ явственно различаетъ блестящіе столбы на небѣ. Онъ поспѣшилъ разбудить одного раненаго совѣтника царскаго и нѣсколькихъ другихъ, которые всѣ видѣли это необыкновенное явленіе и приняли его за счастливое предзнаменованіе.

5.

Видѣніе на Свіягѣ.

Предъ тѣмъ, какъ заложить Іоанну Свіяжскъ, окрестные Татары нѣсколько разъ видали на этомъ мѣстѣ ходящаго монаха. Стали въ него стрѣлять, но предъ каждымъ выстрѣломъ видѣніе исчезало. Это навело на Татаръ такой страхъ, что они уже боялись приблизиться къ тому мѣсту.

6.

Юродивый Татаринъ.

Въ самой Казани ходилъ въ это время юродивый Татаринъ, который только и твердилъ: „Жить здѣсь

не Татарамъ, но Русскимъ.“ Это надоѣло Казанцамъ, и они хотѣли его убить; но царь Едигеръ запретилъ убивать его, а приказалъ запереть его въ пустой домъ. Юродивый какъ-то вырвался изъ своего заключенія и продолжалъ проклинять Татаръ и пророчить имъ неминуемую гибель.

7.

Царевна Кавгадша.

Царевна Кавгадша, родная сестра Магметъ-Аминя, знала Татарскую грамоту и была посвящена въ тайны волхвованія. Однажды, гадая о судьбѣ роднаго города, она сказала посламъ Московскаго великаго князя: „Помяните мое слово, что чрезъ 16 лѣтъ Казанскіе Татары не въ состояніи будутъ противиться великому князю Ивану, который овладѣетъ не только Казанскимъ царствомъ, но и многими другими странами.“

8.

Старикъ въ ямѣ.

Во время осады Казани Татары прятались (какъ говорено было выше) отъ Русскихъ пуль и ядеръ въ выкопанныя для этого ямы. Однажды входятъ Казанцы въ одну изъ такихъ ямъ и — къ величайшему своему удивленію — видятъ въ ней печь, полную пшеничныхъ хлѣбовъ; въ одномъ углу стоитъ богатая кровать, на которой лежитъ старикъ; въ ямѣ было распространено благоуханіе. Старикъ сталъ говорить имъ: „Не сопротивляйтесь Московскому государю, но принесите ему покорность: онъ очень милостивъ и не сдѣлаетъ вамъ вреда. Если же не покоритесь ему, то немногіе

изъ васъ избѣгнуть гибели.“ Думая, что это — мечтаніе, наведенное Русскими, Татары хотѣли убить старика; но въ эту минуту все исчезло — и постель, и старикъ, и хлѣбы въ печи: яма наполнилась смрадомъ.

9.

Видѣнія монаховъ и священниковъ.

Нѣсколько разъ Казанцы видали на царскомъ дворѣ и въ царскихъ чертогахъ монаха, который то ходилъ, то сидѣлъ. Неоднократно они собирались подстрѣлить его, но монахъ проходилъ невредимо среди нихъ, шелъ чрезъ весь городъ и потомъ скрывался за городомъ.

Видѣли также нѣсколько разъ на городскихъ стѣнахъ двухъ бѣгающихъ монаховъ; но никто не могъ ни поймать, ни догнать ихъ. Или видѣли, что православные священники ходятъ по стѣнамъ съ пѣніемъ и кадилами. Все это приводило въ удивленіе Татаръ, и они говорили другъ другу: „Видно по всему, что быть на этомъ мѣстѣ Руси и церквамъ христіанскимъ.“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	3
ГЛАВА I. Преданія о началѣ Казани и первоначальная исторія ея.	5
ГЛАВА II. Возстановленіе Казани. Отношеніе къ новому Казанскому царству Василя Темнаго, Іоанна III и Василя III.	8
ГЛАВА III. Дѣла съ Казанью въ правленіе великой княгини Елены и боярѣ	24
ГЛАВА IV. Первые два похода Іоанна IV подъ Казань.	35
ГЛАВА V. Добровольное подчиненіе Казанцевъ Москвѣ и послѣдняя ихъ измѣна.	40
ГЛАВА VI. Рѣшительный походъ Іоанна Грознаго подъ Казань.	51
ГЛАВА VII. Осада Казани.	64
ГЛАВА VIII. Приступъ и взятіе Казани	78
ГЛАВА IX. Возвращеніе Іоанна въ Москву.	87
ГЛАВА X. Историческое значеніе завоеванія Казани.	91
ГЛАВА XI. Память въ народѣ о покореніи Казани.	95
ГЛАВА XII. Памятники покоренія Казани	98
Приложеніе: Видѣнія и предсказанія о паденіи Казани.	101

1507

До, ре, ми, фа, соль, ля, си, до

До, ре, ми, фа, соль, ля, си, до

До, ре, ми, фа, соль, ля, си, до
Тренировка м. м.

на фортепьяно
иб. аккомпанемент

Музыкальная
установка
для
фортепьяно и
аккомпанемент

128

Tichomirov, E.

Pokorenie Kazani moskovskim carem Ioannom Vasil'evičem Groznym Razskaz iz
russkoj istorii E. Tichomirova. [Ivan IV., d. Schreckliche, Zar v.
Russland]

Moskva 1886

Russ. 333 e

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11888256-0